

XIV годъ

№ 40

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Выданъ 1 Октября 1883 г.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской. Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднимъ 3 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

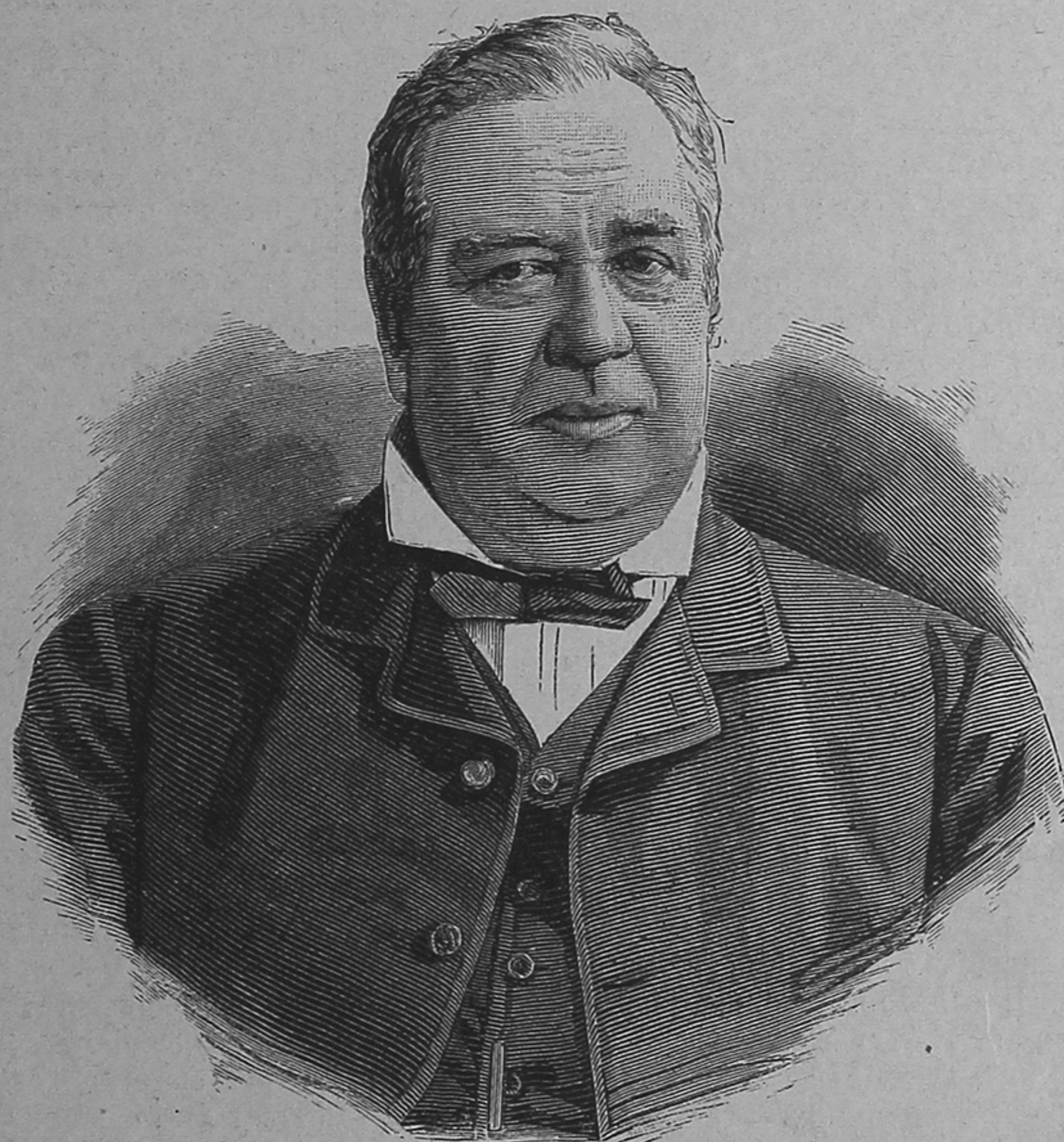
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ с.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1883 г., съ 19 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 24 ри-
сунк. вышивальныхъ работъ и 27 выкройками въ натуральную величину.

И. В. Самаринъ.

Открытие театрального сезона въ послѣдніе годы почти постоянно сопровождается спектаклями печати на бѣдность нашей отечественной драматической труппы. И эти спектакли не лишены основанія; действительно новыхъ, выдающихся талантовъ является мало и если гдѣ еще сцена поддерживаетъ въ удовлетворительномъ видѣ, то, это благодаря лишь старымъ актерамъ, послѣднимъ представителямъ ея прошлаго, блестящаго времени. Среди этихъ то, можно сказать, послѣднихъ могиканъ цвѣтущаго периода нашей сцены, особенной известностью пользуется имя московскаго артиста Ивана Васильевича Самарина, составившаго себѣ почетное имя очень давно, самобытно достигшаго замѣчательного совершенства въ искусствѣ и до сихъ поръ составляющаго гордость московского драматического театра.

Иванъ Васильевичъ Самаринъ родился въ С.-Петербургѣ, 7-го января 1817 года, и въ ранней юности былъ пересланъ въ Москву отцомъ, крѣпостнымъ членомъ помѣщика Волкова. Здѣсь когда мальчикъ подросъ и началъ

Артистъ Имп. театровъ И. В. Самаринъ. Съ фотограф. грав. Ю. Барабановскій.

проявлять уже свои недюжинные способности, для бѣдняка представлялся очень трудный вопросъ, куда бы пристроить своего сынишку. Къ счастію для него, господа Волковы жили тогда въ Москвѣ, въ домѣ Кокошина, бывшаго тогда директоромъ Московскихъ Императорскихъ театровъ и какъ-то черезъ прислугу удалось ему передать просьбу о принятии Ивана Васильевича въ театральное училище. Просьба имѣла успѣхъ; Кокошину мальчикъ понравился и тогда онъ былъ принятъ въ балетное отдѣленіе школы. Конечно карьера для юнаго танцора представлялась не блестательной; но способности мальчика и тутъ его вывезли; на него еще въ школѣ обратилъ внимание преподаватель драматического искусства изъвестный актеръ Щепкинъ и перевѣль его въ свое отдѣленіе. Тутъ юный Самаринъ понялъ, что попалъ наконецъ на свое мѣсто и, трудясь неутомимо, вскорѣ сдѣлался очень замѣтнымъ по таланту между своими сверстниками и товарищами. Въ 1832 году онъ былъ допущенъ къ дебюту, принявъ на себя роль Фе-

ника въ довольно ходульной драмѣ Дюканжа „16 лѣтъ или зажигатели“. Исполненіемъ этой главной роли мальчикъ пропизвѣлъ фуроръ и съ этого же времени сдѣлался любимцемъ московской публики; но ранняя слава не омрачила его и опѣ продолжалъ усердно работать подъ руководствомъ знаменитаго учителя. Усовершенствовавшись и подготовившись, онъ еще ученикомъ выступилъ въ серьезныхъ роляхъ, какъ напримѣръ, Кассія въ „Отелло“, Лаэрта въ „Гамлетѣ“, Меркуціо въ „Ромео и Джульетѣ“ и имѣлъ въ нихъ постоянный успѣхъ. Наконецъ въ 1837 году образованіе въ театральномъ училищѣ было окончено и Иванъ Васильевичъ могъ уже свободно раздѣлять лавры съ своими знаменитыми уже соперниками, Щепкинымъ и Мочаловымъ. Но соперничество такихъ любимицъ публики не повредило его собственнымъ успѣхамъ и публика неизмѣнно награждала его аплодисментами и особенно цѣнила ту особенность его таланта, что выполняла иногда самыя ходульныя роли въ паводнившихъ тогда нашу сцену переводныхъ мелодрамахъ, Самаринъ всегда оставался простъ и естественъ, не прибѣгая ни къ дешевому эффекту, ни къ грубому гаерству. Въ Москвѣ онъ выполнялъ тѣже роли, какія въ Петербургѣ тогда отдавались постоянно В. А. Каратыгину, но надо сознаться, выполнялъ ихъ гораздо проще и ближе къ правдѣ, не смотря на художественность такихъ драмъ, каковы были „Записки демона“, „Мачиха и Падчерица“ и многія другія, бывшія тогда въ большомъ почетѣ у публики. Въ первый свой прѣѣздъ въ Петербургъ, И. В. Самаринъ выступилъ на александрийской сценѣ въ роли Чацкаго и съ этого времени эта роль сдѣлалась у него дѣйствительно образцовой; по возвращеніи въ Москву

онъ началъ рѣже и рѣже являться въ обычномъ своемъ амплуа драматического первого любовника и мало по малу переходилъ на роли городничихъ, старыхъ холостяковъ и другихъ подобныхъ типовъ, которые до того времени составляли исключительно удѣлъ Щепкина. Кроме того, благодаря собственно стараніямъ и таланту И. В., на московской сценѣ были поставлены неиграныя до того времени въ Россіи прелестныя пьесы Шекспира: „Укрощеніе строптивой“, „Много шуму изъ ничего“, „Виндзорскія кумушки“ и „Зимняя сказка“.

Какъ преподаватель драматического искусства, сначала въ театральной московской школѣ, а потомъ въ консерваторіи, И. В. Самаринъ тоже оказалъ большія услуги отечественному искусству. Подъ его руководствомъ образовались такія артисты какъ Никулина и Федотова и кромѣ того много другихъ актеровъ вышло изъ этой школы, въ преподаваніи которой главнымъ условиемъ ставилось серьезное и обдуманное изученіе роли, осмысленность каждого шага, жеста и движенія. Какъ представитель такой школы, Самаринъ составляетъ почти исключительное явленіе и вотъ почему его игра всегда производить какое то особенно цѣльное и ровное впечатлѣніе.

И. В. Самаринъ кромѣ того извѣстенъ какъ драматический писатель, произведенія котораго, какъ напр. „Утро вечера мудренѣ“ и „Перемелется—мука будетъ“ весьма сценичны и не лишины литературнаго достоинства. Кроме того имѣла успѣхъ его пьеса „Самозванецъ Луба“, въ которой И. В. проявилъ свой талантъ, какъ писатель въ болѣе обширной, исторической формѣ, требовавшей не одного лишь творчества, но и серьезнаго изученія.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XVI.

Жрица.

Князь Есперь бесѣдовалъ съ Татариновой въ ея мрачной гостиной и конечно предметомъ ихъ бесѣды была Нина.

Князь Есперь своевременно извѣстилъ Катерину Филипповну обо всемъ происшедшемъ и выходилъ изъ себя отъ того спокойствія, которое замѣчалъ въ ней.

— Катерина Филипповна, воля ваша, вы все время, какъ есть все время поступали не такъ, какъ бы слѣдовало.. Что вы мнѣ говорили передъ моимъ отѣзломъ въ деревню? Вы говорили, что будете часто и много писать сестрѣ Нинѣ...

— Я такъ и начала! своимъ тихимъ голосомъ отвѣтила Татаринова.—Я написала ей очень большое и обстоятельное письмо... оно должно было на нее подѣйствовать, открыть ей глаза, утвердить ее въ вѣрѣ, заставить ее начать борьбу съ врагомъ, который овладѣлъ ею... Я ждала—она не скоро мнѣ отвѣтила. Наконецъ получаю письмо, вѣдь я вамъ его читала, вы сами увидѣли, что это письмо написано было только изъ приличія... Я писала ей опять и не получила отвѣта... Я не оскорбляюсь, вы знаете, что я никогда не оскорбляюсь, я не имѣю на это права... обидчивость—грѣхъ...

— Такъ зачѣмъ же вы не продолжали переписку? перебилъ князь Есперь.—Не подѣйствовало одинъ разъ, — могло бы подѣйствовать въ другой.

— Не продолжала, потому что соображаю, какъ вы должны знать, свой дѣйствія съ получаемыми мною откровеніями.

Князь Есперь неудержался отъ нетерпѣливаго жеста.

— Откровенія! раздраженно воскликнулъ онъ.—Опять откровенія!.. Что же, неужели вамъ было приказано оставить ее въ покоѣ!?

— Именно!

— Какъ?! оставить въ покоѣ, то есть не пытаться спасти погибающую душу?! Подумайте, Катерина Филипповна, развѣ можетъ быть такое откровеніе, развѣ Господь Богъ, повелѣвающій положить душу свою за други своя, можетъ требовать отъ насъ такихъ дѣйствій!?

Вѣдь это человѣкъ утопаетъ, а вы отвертываетесь и говорите: „такъ велитъ Христосъ“... Подумайте!!.

Но Катерина Филипповна нисколько не смущилась этими словами.

— Совсѣмъ не то, спокойно сказала она,—Христосъ не можетъ повелѣвать жестокости и равнодушія къ судьбѣ ближняго, но онъ ведетъ человѣка къ спасенію различными путями, которые иногда для насъ и непонятны, которые мы слабымъ нашимъ разумомъ постичь не въ силахъ. Мнѣ было откровеніе, что сестра наша, хотя и уходитъ отъ насъ, но временно. Она сама откажется отъ заблужденій и вернется къ намъ съ большею еще и уже непоколебимой вѣрою.

Князь Есперь все болѣе и болѣе раздражался.

— Однако вы этого до сихъ поръ мнѣ не говорили. Вы говорили просто, что вамъ приказано было оставить ее.

— Такъ оно и было сначала, а откровеніе, о которомъ я говорю теперь, получила я на этихъ дняхъ, когда скорбѣла духомъ о томъ, что Нина уже нѣсколько дней въ Петербургѣ, а ко мнѣ не заглядываетъ.

— Что же, это было вамъ въ видѣніи сказано?

— Нѣтъ, письменно.

— Покажите мнѣ.

— Хорошо, сейчасъ покажу.

Она вышла и вернулась съ запиской въ рукахъ. Князь Есперь прочелъ и швырнулъ бумажку на столъ.

— Что вы дѣлаете?! въ ужасѣ воскликнула Татаринова.—Что вы дѣлаете, безумный!?

— Я не вѣрю этому откровенію! Почти задыхался и дрожа говорилъ онъ.—Оно подложное!

— Какъ подложное? не вѣря своимъ ушамъ прошептала Татаринова...

— Да такъ, я незнаю, вамъ подкинули эту бумажку... я не вѣрю... это подложное... это не можетъ быть!..

Катерина Филипповна встала совсѣмъ блѣдная, глаза ея загорѣлись негодованіемъ.

— Князь, прошу васъ, сказала она глухимъ голосомъ, — прошу васъ оставить меня!.. Вы кощун-

ствуете... вы находитесь подъ властью дьявола... уйдите... уйдите скорѣе... Придите въ себя... молитесь... просите у Христа прощенія... Уйдите... уйдите!..

Она замахала руками и скрылась изъ гостиной. Онъ постоялъ продолжая трястись отъ злости, наконецъ плонулъ и тоже выбѣжалъ почти громко повторяя:

„Вотъ дура, вотъ дура! совсѣмъ рехнулась, совсѣмъ!“

А между тѣмъ самъ онъ былъ какъ полоумный. Выбѣжалъ за ворота, онъ крикнулъ своему кучеру, который сталъ было подавать экипажъ: „Убирайся къ чорту!“ и замахалъ руками.

Кучерь остановился въ недоумѣніи и глядѣлъ какъ баринъ, семена ногами, подпрыгивая и кривляясь, пустился по улицѣ обращая на себя всеобщее вниманіе.

Долго бѣжалъ князь Есперъ мысленно ругая всѣхъ и себя въ томъ числѣ. Наконецъ мало-по-малу онъ сталъ успокаиваться.

„А кто ее знаетъ, думалъ онъ,—можетъ эта сумасшедшая и права!.. Какъ знать, Нина пожалуй и впрямь очнется и затоскуетъ по нашимъ круженіямъ и экстазамъ... Вѣдь это втягиваетъ, втягиваетъ какъ запой!..“

Ему вспомнилось какъ однажды и онъ, самъ того незамѣчая, поддался во время собранія у Татариновой общему экстатическому настроенію и завертѣлся до одурѣнія, которое перешло въ нечто дѣйствительно особенное, потрясшее всю его нервную систему и вызвавшее удивительныя ощущенія. Потомъ онъ много разъ хотѣлъ дойти до такого состоянія, но уже не могъ и только притворялся ради ему одному известныхъ цѣлей.

„Какъ знать, какъ знать!“ повторялъ онъ и видимо утѣшался.—Можетъ еще и на нашей улицѣ будетъ праздникъ... вернется она и тогда“...

Что будетъ „тогда“—объ этомъ ему нечего было задумываться. Онъ уже такъ часто мечталъ о томъ времени, когда Нина окажется совсѣмъ безъ воли, совсѣмъ подъ его вліяніемъ,—и очень хорошо зналъ, что тогда будетъ...

Онъ взялъ извошика, пріѣхалъ домой, посмотрѣлъ на часы, потомъ прошелъ къ генеральшинамъ воспитанницамъ и пригласилъ ихъ къ себѣ говоря, что покажетъ имъ удивительную книгу съ картинками. Въ книгѣ для нихъ ничего удивительного не оказалось. Но князь книгой не ограничился. Онъ разставилъ всевозможныя слasti, которыхъ у него всегда много было въ запасѣ. Онъ принялъ за свои ужимки, шутилъ съ девочками, ласкалъ ихъ...

Онъ хихикали и пѣдали слasti...

А Катерина Филипповна, прогнавъ отъ себя князя Еспера, долго еще находилась въ большомъ волненіи. Ей и въ голову не пришла мысль оскорбляться за себя словами князя. Она даже совсѣмъ не поняла, что онъ подозреваетъ или можетъ подозревать ее.

Она пришла въ дѣйствительный ужасъ и негодованіе видя его кощунство. Какъ, усомниться въ откровені?! недовѣрять откровенію, судить и осуждать смыслъ его!..

Тяжелое видно приходить время—врагъ не дремлетъ. Ясное дѣло, что врагъ вселился въ этого „брата“ и торжествуетъ надъ нимъ, изгоняетъ изъ него истинный разумъ...

Что же дѣлать теперь чтобы помочь „брату“?.. Одно осталось: нужно молиться за брата!..

Катерина Филипповна прошла въ свою молельню, опустилась на колѣни передъ иконой и стала молиться бія себя въ грудь, глубоко вздыхая и плача.

Проходили минуты, а Катерина Филипповна не вставала съ колѣнь и молилася. Лицо ея начало преобразиться, глаза были широко раскрыты и горѣли, ноздри раздувались, кровь то приливалась къ щекамъ, то отливала, губы нервно дрожали, изъ груди вырывалось временами тяжелое дыханіе...

Она стала класть частые земные поклоны широко раскачиваясь, потомъ вскочила на ноги, и съ безумнымъ лицомъ, ничего не видя и не понимая, схватила карандашъ, лежавшій на столикѣ, и пододвинула къ себѣ листъ чистой бумаги. Рука, державшая карандашъ, напряглась и стала какъ деревянная.

Прошло нѣсколько мгновеній. Катерина Филипповна тяжело дышала, голова ея то опускалась на грудь, то пригибалась къ затылку, повременамъ судороги пробѣгали по всѣмъ ея членамъ...

Вдругъ рука вздрогнула, карандашъ забѣгалъ по бумагѣ... еще мигъ... и Катерина Филипповна, какъ подкошенная, упала на полъ почти безъ признаковъ жизни...

Когда она пришла въ себя—первымъ ея движеніемъ было жадно схватить листъ бумаги и прочесть то, что на немъ было написано.

На листѣ твердымъ, крупнымъ почеркомъ, совсѣмъ непохожимъ на обычный почеркъ Катерины Филипповны, было выведено:

„Этотъ братъ обманщикъ, изгони его отъ себя“.

Катерина Филипповна вскрикнула, схватилась за голову и нѣсколько минутъ стояла неподвижно.

На ея лицѣ выражалось негодованіе.

„Могла ли я это вообразить?! надо оповѣстить всѣхъ... надо придумать какъ отъ него избавиться... и какъ сдѣлать его безвреднымъ“... прошептала она.

Она была одна и, слѣдовательно, была искренна. Она была всегда такою. И въ этой ея искренности заключалась именно та сила, которая такъ часто дѣйствовала на ея слушателей и привлекала свѣжихъ людей въ ея секту. Это была сила глубокаго фанатического убѣждѣнія, которое наполняло ее всю...

Она была женщина съ давно уже и безпадежно потрясенной и испорченной нервной системой, что однако не мѣшало ей жить и легко выносить многое такое, чего не вытерпѣлъ бы и самый крѣпкій организмъ...

Катерина Филипповна была очень огорчена потерей Нины, хотя и вѣрила искренно, что та рано или поздно, а вернется.

Ей хотѣлось увидѣться съ Ниной; но поѣхать къ ней она все же не рѣшилась. Она написала ей доброе и ласковое письмо.

По полученіи его Нина сильно смущалась. Она ничего не имѣла противъ Татариновой и хотя перестала считать ее „святою“, но жалѣла ее какъ искренно за碌жающуюся женщину. Ей тяжело было ее обидѣть, а между тѣмъ она теперь ни за что на свѣтѣ не хотѣла къ нейѣ хать. Попасть опять въ эту обстановку, въ эту среду—нѣть, нѣть—ни за что! Нина чувствовала и страхъ и отвращеніе. Она рада была, что Ручинской нѣть въ Петербургѣ, что не придется объясняться, выслушивать проповѣдь, убѣжденія...

Она рѣшилась проститься письмомъ съ Татариновой. Пусть ее обвиняютъ, считаютъ грѣшницей—теперь ей это было все равно.

Она писала:

„Я знаю, что вы имѣете право обвинять меня и я не стану защищаться. Я думаю что теперь памъ лучше не видаться. Но хоть я и отказываюсь поѣхать васъ, будьте увѣрены, что я остаюсь съ прежнимъ къ вамъ уваженіемъ. Надѣюсь, что какъ вы, такъ и всѣ братья и сестры не сочтутъ меня способной на нескромность—я молчать буду до конца жизни.

Желаю вамъ... но нѣть, лучше не скажу чего желаю, потому что вы только разсердитесь на мои искреннія желанія“...

Катерина Филипповна не разсердилась, и грустно вздохнула.

„Погубила свою душу... а сколько было ей дано!—думала она.—Но Богъ милостивъ, пойметъ она свои заблужденія и вернется... мы еще увидимся!“

Однако ей не пришлось увидеться с Ниной в земной жизни.

Дальнейшая судьба Катерины Филипповны Татариновой намъ болѣе или менѣе известна изъ дѣлъ, „секретныхъ“ дѣлъ, производившихся о ея сектѣ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1837 году, былъ сдѣланъ доносъ на нее и собирающихся у нея братьевъ и сестеръ—всѣ сектанты были выселены изъ Петербурга по разнымъ мѣстамъ, большою частью по монастырямъ. Катерина Филипповна была тоже отправлена въ Кашинскій монастырь. И она сама, и ея родственники, пользовавшися нѣкоторымъ вліяніемъ, неоднократно просили освободить ее изъ заключенія. Императоръ Николай Павловичъ готовъ былъ уже снизойти на эту просьбу въ 1843 году, но тогдашній оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Протасовъ, доложилъ ему, что „Татаринова въ религіозныхъ понятіяхъ своихъ никакой перемѣны не оказываетъ, отзыаясь, что она оскорбить Духа Святаго, если плоды, какіе видѣть отъ своихъ религіозныхъ занятій, признаетъ заблужденіемъ“.

На этомъ докладѣ государь написалъ:

„Нельзя послѣ такого отзыва“.

Черезъ три года опять поступило ходатайство объ ея помилованіи, и опять ей сдѣланъ былъ запросъ—согласна ли она дать письменное обязательство оказывать неизмѣнное повиновеніе Православной Церкви, не входить ни въ какія неблагословленныя оною общества, не распространять ни тайно, ни явно прежнихъ своихъ заблужденій, и не исполнять никакихъ особенныхъ обрядовъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ взysканія?

И опять она отказалась, но очевидно ей было слишкомъ тяжело въ монастырскомъ заключеніи, въ одиночествѣ, безъ возможности не только видѣться, но даже письменно сноситься съ людьми ей близкими, со своими старыми испытанными друзьями и единомышленниками. Она глубоко мучилась не имѣя возможности служить Христу и искать его посредствомъ радѣній.

Вѣроятно наконецъ ей на помощь пришло новое откровеніе и въ 1848 году она дала требуемую отъ нея подписку и ей было разрешено жить въ Москвѣ.

Но не прошло и года какъ о ней началось снова дѣло. Она очевидно не исполнила обѣщанія, даннаго въ подпись. У нея стали собираться, какъ и въ прежніе годы, многіе члены ея секты, которые успѣли выйти на свободу. Никто изъ нихъ не отсталъ отъ прежнихъ заблужденій и до самой своей смерти, несмотря на преဆданія и постоянный страхъ, въ которомъ они должны были находиться. Они пользовались малѣйшей возможностью, чтобы собираться для верченій и проповѣдованій.

Ихъ вѣра была непоколебима. И эту вѣру раздѣлялись ними и раздѣляютъ до сихъ поръ многія тысячи изъ русскаго народа. Эта вѣра представляетъ собою явленіе, къ которому до сихъ поръ относятся почти исключительно съ официальной точки зрѣнія. А между тѣмъ въ этомъ явленіи заключается глубокій психической интересъ. Оно имѣть въ своей основѣ нечто весьма серьезное, истекающее изъ мало вѣдомыхъ еще намъ свойствъ человѣческой природы.

Вѣра „искателей Христа“, достигающихъ блаженнаго состоянія посредствомъ „кружений“ и прочихъ странныхъ дѣйствій,—не случайна и ея существование легко найти въ самой глубокой древности, на различныхъ пунктахъ земного шара...

Молчаливые брамины Индіи, среди своихъ изумительныхъ, переживающихъ тысячелѣтія храмовъ и пещеръ, быть можетъ знаютъ откуда взялась эта странная вѣра и что она значитъ.

Но они молчатъ,—эти послѣдніе хранители великихъ тайнъ древности, тайнъ, передъ которыми всѣ наши современные знанія представляются очень жалкими...

XVII. Несчастная.

Катринъ чувствовала себя очень несчастной. Ей казалось, что она окружена врагами, которые всѣ согласились между собою отравлять ей жизнь. А себя она считала невинной жертвой.

И какъ все это случилось?! Жизнь шла такъ хорошо и гладко, впереди ничего не грозило, да и что могло грозить? Она молода, хороша, богата, можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ, всѣмъ капризамъ...

Надоѣль мужъ, но явился человѣкъ, который понравился ей больше всѣхъ людей какихъ только она знала, который съумѣлъ заставить заговорить ея воображеніе. Она ни на минуту не задумывалась о своихъ обязанностяхъ. Ея совѣсть была спокойна,—такъ ей по крайней мѣрѣ казалось.

Но вотъ со всѣхъ сторонъ неожиданно на нее стали наступать несчастья. Онъ уѣхалъ, оскорбилъ ее своимъ почти пренебрежительнымъ къ ней отношениемъ. Въ семье она давно уже стала замѣчать недружелюбные взгляды...

Затѣмъ это оскорблѣніе, нанесенное ей теперь уже окончательно и безповоротно рѣшенной женитьбой Бориса, противъ которой никто не протестуетъ, которую всѣ допускаютъ!

„Это они нарочно, на зло мнѣ, для того чтобы убить меня!“ думала она.

На нее напала какая то странная, болѣзнь на мицельность. Она продолжала посѣщать общество, но ей теперь постоянно казалось, что при встрѣчѣ съ нею косится, что ее принимаютъ совсѣмъ не такъ, какъ прежде.

Ничего этого не было въ дѣйствительности, она сама фантазировала и себѣ предила, такъ какъ ея свѣтскіе знакомые стали подмѣчать въ ней многія непонятныя странности.

Объ этихъ ея странностяхъ уже кой гдѣ даже говорили:

— Qu'arrive t'il donc à la petite madame Gorbatoff?—elle devient si étrange!.. Просто удивительно! Какъ то испуганно на всѣхъ смотритъ, смущается—и вѣдь это совсѣмъ на нее не похоже... вѣрно она больна!..

— Ея болѣзнь очень понятна и въ такое время мало ли какія странности являются у молодыхъ женщинъ... объясняли другіе.

Но третіи очень язвительно усмѣхались.

— Совсѣмъ не то—она скучаетъ...

— Какъ скучаетъ? по комъ?!

— Извѣстно по комъ—по графѣ Щапскому!

— Развѣ?!

— А вы и не знали! Помилуйте, это всю прошлую зиму въ глаза бросалось...

Слово было пущено и облетѣло весь кругъ, въ которомъ вращалась Катринъ, унеслось далеко за предѣлы этого круга и повторялось даже людьми совсѣмъ иныхъ слоевъ общества, людьми никогда и не видавшими Катринъ и только слышавшими объ ней какъ объ одной изъ самыхъ блестящихъ женщинъ петербургскаго свѣта.

На этотъ разъ, какъ намъ извѣстно, догадка была вѣрна и доказывала необыкновенную тонкость свѣтской наблюдательности, потому что Щапскій и Катринъ держали себя крайне осторожно и въ Петербургѣ рѣшительно ничѣмъ не нарушали свѣтскихъ приличій. Выдать ихъ кому нибудь было очень трудно, да никто и не выдавалъ.

Но въ свѣтѣ очень скоро замолчали объ этой только что выпущенной новости, благодаря тому, что явились новая пища для разговоровъ, новый скандалъ въ семье Горбатовыхъ.

Борисъ Горбатовъ женится на воспитанницѣ книги Маратовой!

Свѣтъ оказался одного мнѣнія съ Катринъ. Онъ возмутился выборомъ Бориса.

— И какъ это родные допустили?

— Да вѣдь иногда бываютъ такія обстоятельства, что поневолѣ допустить приходится. Молодой человѣкъ былъ очень неостороженъ...

— Да, вотъ что!!

— Что же иное и можетъ быть...

— А княгиня то, княгиня! она какую тутъ роль сыграла?!

— Что жь, добилась своего, пристроила бѣдную родственницу... да и какъ еще пристроила...

Посмѣялись, посудили и кончили тѣмъ, что признали совершившійся фактъ и успокоились.

Наконецъ Катринъ узнала, что графъ Щапскій неизвѣстно откуда явился въ Петербургъ. Она оживилась, стала считать часы, ждать его появленія. Прошло нѣсколько дней — его нѣтъ. Много разъ писала она ему, но тутъ же и разрывала свои записки.

Нѣтъ, она не должна унижаться! Вѣдь пріѣдетъ же онъ наконецъ, вѣдь хоть ради приличія — да пріѣдетъ... Только бы до того не встрѣтиться гдѣ нибудь въ чужомъ домѣ...

Она боялась, что въ такомъ случаѣ не выдержитъ. Она вдругъ почувствовала въ себѣ новый приливъ страсти къ этому человѣку. Она забыла его коварство, его равнодушіе, забыла всѣ планы миценія, строенные ею.

Она не могла теперь ни о чёмъ думать какъ только о томъ, когда его увидитъ, чтобы скорѣе обнять его, чтобы снова почувствовать его присутствіе.

А его все нѣтъ! Какая жестокость, какое безсердечіе! или тутъ опять вмѣшились враги, оклеветали ее передъ нимъ?.. кто знаетъ?! Когда же наконецъ явится онъ.

Она просто изнывала.

Наконецъ насталъ давно жданный день — ей доложили обѣ его пріѣздѣ. Она измѣнилась въ лицѣ и задыхаясь проговорила:

— Просите!

— Куда прикажете?

— Въ маленькую гостиную...

Дрожа отъ волненія и почти задыхаясь она поспѣшно прошла туда.

Какое счастье — никого нѣтъ дома! Старики уѣхали, обѣдаютъ у этой Маратовой, Борисъ конечно тамъ же. Владимиръ не вернется раньше обѣда... Она одна во всемъ домѣ... Кто нибудь можетъ пріѣхать — отказать будетъ неловко...

Но вѣдь можетъ быть никто и не пріѣдетъ, и во всякомъ случаѣ есть хоть нѣсколько свободныхъ минутъ, можно говорить... и тутъ... здѣсь, въ этой милой комнатѣ, которая соединяла въ себѣ такъ много прошлодніхъ воспоминаній!

Но какъ она его встрѣтить?

Она почти упала въ кресло чувствуя себя такой слабой...

Нужно встрѣтить его съ достоинствомъ, нужно чтобы онъ понялъ хорошенько, что порядочный человѣкъ не можетъ такъ поступать, какъ поступилъ онъ. И пуще всего не нужно ему показать радости, почти восторга, охватившихъ ее при одной мысли, что вотъ она сейчасъ его увидитъ...

Онъ вошелъ.

Она взглянула на него. Онъ совсѣмъ не измѣнился — также хороши, отъ него дышеть все такой же гордой силой... та же самоувѣренная и презрительная улыбка...

Но въ глазахъ какъ будто радость, радость свиданья! Кажется это ей только или она не ошиблась?..

Онъ быстро, привычно оглянулся. Они одни. Онъ поспѣшно склонилъ схвачилъ ея руки и сталъ цѣловать ихъ.

Руки были холодны и замѣтно дрожали. Она старалась отстраниться и не могла.

— Что вы со мной сдѣлали?! прошептала она и невольные слезы брызнули изъ ея глазъ.

Онъ поморщился.

Что онъ съ ней сдѣлалъ? — ничего. Опѣ только не думалъ о ней все это время, у него было такъ много другихъ интересовъ. Онъ все время почти проводилъ въ своей „оѣизнѣ“, среди представителей старой Польши. Онъ всматривался въ положеніе дѣлъ, выслушалъ мнѣнія всѣхъ горячихъ головъ, дышавшихъ вѣчной и неизмѣнной ненавистью къ Россіи. Онъ былъ посвященъ въ различные планы. Ему удалось, какъ и вездѣ, обратить на себя вниманіе, получить вліяніе, начать играть новую роль....

Изъ Польши онъ проѣхалъ въ Италію. Въ Римѣ былъ принятъ папою на продолжительной аудіенціи. Затѣмъ потолковалъ со всѣми вліятельными кардиналами и вернулся въ Петербургъ очень доволный собою...

Гдѣ же ему тутъ было думать о Катринѣ?!

— Что я съ вами сдѣлалъ?! сказалъ онъ ей въ отвѣтъ.—Вы можете обвинять меня только въ томъ случаѣ, если не захотите слышать никакихъ объясненій. Ахъ, Боже мой, Боже мой, еслибы ты только знала, моя дорогая, какъ тяжела была для меня разлука съ тобой!..

Она покачала головою и печально усмѣхнулась.

— Развѣ я могу тому повѣрить? — даль слово и не пріѣхалъ, и ни разу не написалъ даже... живѣ ли, нѣтъ ли...

— Иначе было невозможно; вѣдь я говорилъ, что у меня серьезныя и важныя дѣла... Я путешествовалъ не для удовольствія... дѣла... дѣла!..

— Какія могутъ быть дѣла, чтобы заставить человѣка пренебрегать той, кого онъ любитъ?

— Есть такія дѣла, дорогая Катринѣ! Я былъ далеко, заграницей...

— Боже мой... и не написалъ!

— Какъ не написалъ, я три письма послалъ: два твоему мужу, и одно тебѣ...

Она поблѣднѣла.

— Я не получила этого письма и мужъ мнѣ не говорилъ про твои письма... Что же это?! Письмо это перехвачено, оно у него въ рукахъ, у него или у кого нибудь изъ семьи. Они всѣ противъ меня... Что ты писалъ?

— Успокойся, поспѣшно сказалъ онъ,—ты знаешь — я остороженъ. Но меня все же очень удивляетъ какъ это письмо мое къ тебѣ не попало. Впрочемъ оно могло пропасть на почтѣ... Теперь мы это узнаемъ... проговорилъ онъ. — Вотъ видишь сама, что я долженъ быть остороженъ...

— Но, наконецъ, теперь-то, теперь вы давно уже здѣсь и до сихъ поръ не нашли свободной минуты, чтобы побывать у меня!

— Да, я здѣсь цѣлую неделю, но дорогой такъ простоялъ, у меня распухло горло, доктора запретили выходить.

— На все — оправданія и я должна всему вѣрить! проговорила Катринѣ.

— Какъ же иначе?

— И можешь поклясться, что говоришь правду? что думалъ обо мнѣ, что не измѣнялъ мнѣ въ это время?.. Поклянись, поклянись, если хочешь, чтобы я тебѣ повѣрила...

— Развѣ вы когданибудь видѣли, чтобы я клялся въ такихъ вещахъ? спокойно сказалъ онъ,—это было бы унизительно и вы должны мнѣ вѣрить и такъ. А если не вѣрите, такъ что же можетъ быть общаго между нами...

Отъ этихъ словъ на нее повѣяло такимъ холодомъ, что она испугалась и вдругъ замолкла, вдругъ присмирилась.

А онъ между тѣмъ ее внимательно разглядывалъ. Онъ нашелъ въ ней большую перемѣну, ему показалось, что она подурнѣла.

Она встала и прошлась по комнатѣ. Онъ слѣдилъ за нею и вдругъ опять поморщился.

— Вы совсѣмъ здоровы? спросилъ онъ.

— Вы видите... прошептала она...

— А!..

У нея опять на глазахъ блестѣли слезы.

— Казимиръ! воскликнула она,—вотъ что случилось! Онъ опустилъ глаза и не говорилъ ничего.

— Казимиръ, продолжала она,—да вѣдь это... пойми... ты не хочешь понять меня... вѣдь мой будущій ребенокъ... твой ребенокъ!..

Въ сосѣдней съ маленькой гостиной библіотекѣ, куда была спущена толстая дверная драпировка, въ эту самую минуту послышалось какое-то движение, будто кто сильно двинулъ кресломъ или какой нибудь другой мебелью. Потомъ какой-то предметъ, вѣрно книга, упалъ тамъ на коверъ.

Но оба они не замѣтили этого, оба они были черезчуръ взволнованы.

Щапскій даже покраснѣлъ. Онъ не ожидалъ ничего подобнаго, никогда не думалъ о возможности такого случая. Пуще всего на свѣтѣ онъ желалъ быть свободнымъ и свободнымъ вполнѣ. И вдругъ его хотятъ связать!

Онъ разсердился.

Эта женщина, къ которой онъ давно уже почувствовалъ охлажденіе и къ которой теперь вернулся только благодаря минутному капризу, присоединившемуся къ неизбѣжности посѣтить ее—вдругъ она стала ему почти противной, какой становились ему всѣ женщины, когда онъ видѣлъ, что у него являются относительно нихъ хоть какія нибудь обязанности.

„Что же это?—вѣдь она намѣrena теперь забрать власть надо мною!.. Вѣдь она будетъ меня преслѣдовать сценами, будетъ разыгрывать драму... Вотъ она уже и такъ подурнѣла... будетъ ныть, плакать... и вдобавокъ почемъ я знаю!“

— Вы увѣрены въ этомъ? наконецъ проговорилъ онъ.

— Въ чемъ, Казимиръ, въ чемъ?

— Въ томъ, что вы сейчасъ сказали...

— Конечно!..

— Я не о томъ совсѣмъ спрашиваю...

Она вздрогнула.

— Господи, такъ о чёмъ же?! Вы сомнѣваетесь, вы думаете... я понимаю...

Яркая краска залила ея щеки.

— Вы хотите отстранить отъ себя ответственность... вы хотите отказаться отъ своего ребенка!..

— Я не хочу этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень чѣжелаю такой ошибки. Какъ же я могу знать, когда, вѣроятно, и вы сами не знаете...

Она едва сдерживала рыданія.

— Казимиръ, вы вернулись для того, чтобы оскорблять меня!..

— Успокойтесь, я васъ не оскорбляю никакъ... я просто боюсь ошибки...

— Развѣ женщина можетъ обмануться?! отчаянно произнесла она и уже не могла сдержаться и громко зарыдала.

Онъ почувствовалъ себя въ крайне неловкомъ, неспособномъ положеніи. Внутренное чувство подсказывало ему, что она его не обманываетъ. Но что же ему дѣлать? Начать клятвы и увѣренія, разыграть роль нѣжнаго супруга.

Ему казалось это черезчуръ затруднительнымъ, а онъ не любилъ затруднять себя.

Однако онъ поспѣшилъ къ ней и усадилъ ее въ кресло.

— Catherine, au nom du ciel, calmez vous!.. вѣдь нельзѧ же... могутъ войти, застать васъ въ такомъ видѣ... какъ мы объяснимъ?!. Это невозможно, успокойтесь, успокойтесь!..

Но она въ первый разъ въ жизни чувствовала что-то особенное. Она не могла бороться со своимъ нервнымъ припадкомъ, въ ней заговорило страстное чувство

къ этому человѣку и вмѣстѣ съ тѣмъ она почувствовала себя несчастной, обиженней, оскорблennой всѣми, всѣми покинутой.

Ей безумно захотѣлось удержать его возлѣ себя, скрыться подъ его защиту. Отъ чего, отъ кого скрыться—она уже не разбирала—можетъ быть отъ самой себя...

— Казимиръ! говорила она сквозь рыданія.—Казимиръ, скажи же, скажи мнѣ, что ты меня любишь, что ты не разлюбилъ меня... Скажи... слышишь, скажи!.. Я должна знать это... говори правду... не обманывай... Ну, разлюбилъ... ну, хочешь бросить,—такъ скажи разомъ, не томи... Я не могу больше!..

— Люблю... люблю!.. черезъ силу проговорилъ онъ.

Отъ этихъ словъ вѣяло холодомъ и они прозвучали какимъ-то отвратительнымъ диссонансомъ.

Но она уже не разбирала, она была какъ въ бреду.

— Казимиръ, говорила она,—не покидай меня, возьми меня... Я все для тебя брошу... Я уйду для тебя хоть на край свѣта, я все отдамъ тебѣ, что у меня есть... Твоя вѣра будетъ моей вѣрою... Приказывай... говори... Помнишь, я иногда спорила съ тобою, ты бранилъ меня за то, что я не отношусь серьезно къ твоимъ словамъ о религії... Говори теперь... приказывай... Хочешь, я хоть сейчасъ перейду въ католичество...

Онъ сидѣлъ задумавшись, пощипывая усы. Вдругъ по лицу его мелькнуло какое-то новое выраженіе; какая то новая мысль завертелась въ его глазахъ. Онъ сдѣлалъ надъ собою усилие и заговорилъ уже новымъ, болѣе ласковымъ голосомъ:

— Катринъ, дорогая, вѣдь еще есть время, обо всемъ потолкуемъ... А теперь прошу—успокойся... ну, успокойся же, если меня любишь!.. Я вернусь, скоро вернусь... Когда?.. назначь сама... дай мнѣ знать...

— Не уходи! простонала она и снова громко зарыдала.

Онъ просто испугался. Каждую секунду могъ войти ктонибудь... скандалъ неизбѣженъ. Безумная женщина! Онъ видѣлъ, что успокоить ее онъ не въ силахъ и что самое лучшее—ее теперь оставить. Одна она скорѣе придется въ себя.

— Я ухожу, сказалъ онъ,—мнѣ нельзя ни минуты остаться... Но я вернусь скоро... завтра... Скажи мужу, что я жалѣю, что не засталъ его...

Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ и быстро, прежде чѣмъ она могла опомниться, вышелъ изъ комнаты.

Она подняла свое склоненное, заплаканное лицо, взглянула—его нѣть.

Она побѣжала было за нимъ, но остановилась, вернулась и съ новымъ, отчаяннымъ, истерическимъ рыданіемъ упала въ кресло.

Драпировка, скрывавшая дверь въ библіотеку, зашевелилась,—её приподняла чья-то рука.

Катринъ замѣтила это и задрожала.

На порогѣ показался Борисъ, блѣдный, съ широкораскрытыми глазами.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился передъ Катринъ. Она съ ужасомъ взглянула на него,—его взглядъ былъ страшенъ.

Она вскрикнула и лишилась сознанія.

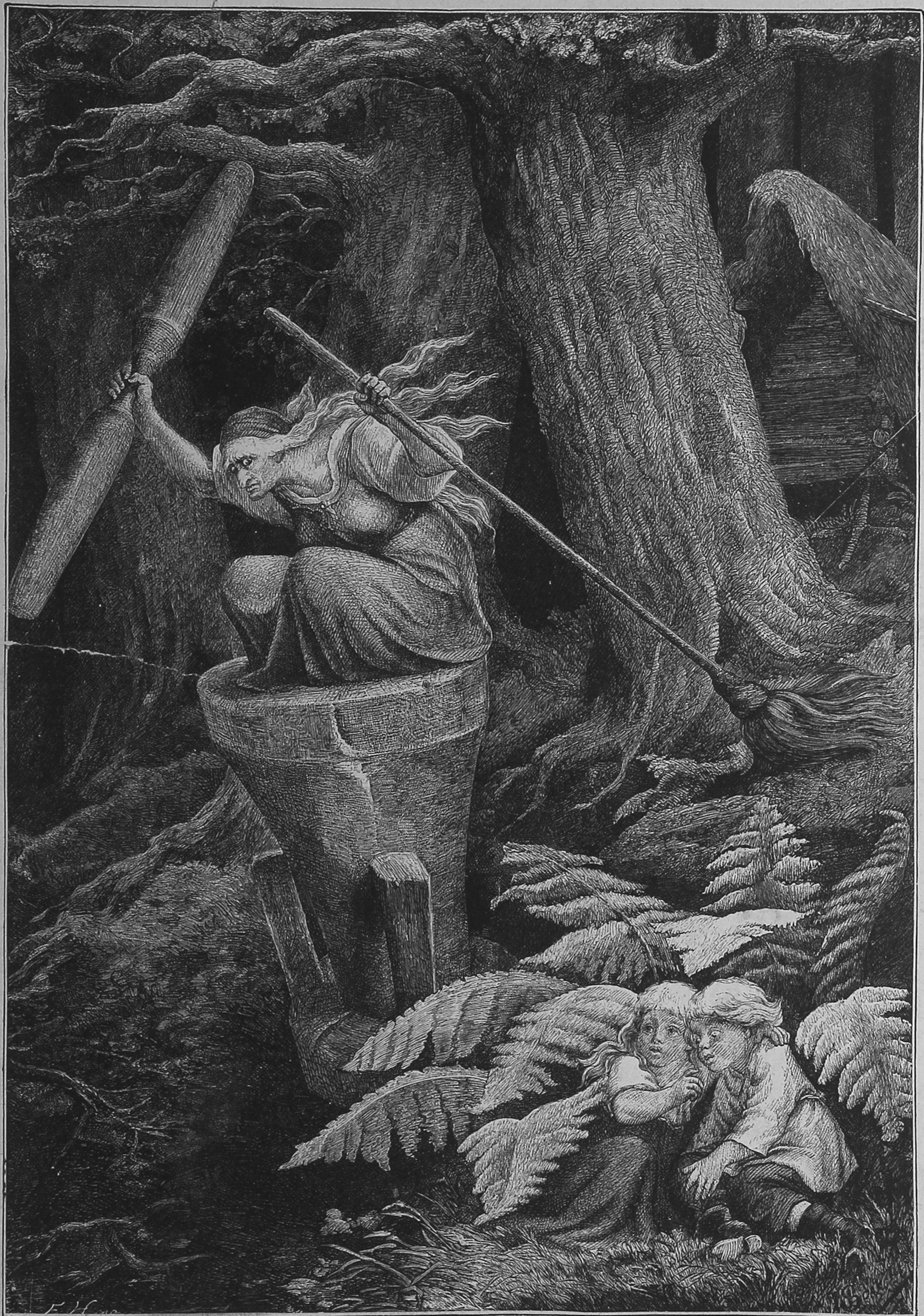
XVIII.

Свидѣтель.

Борисъ утромъ былъ уже въ домѣ генеральши и долженъ былъ опять возвратиться туда къ обѣду. Но до обѣда оставалось еще много времени. Онъ заѣхалъ къ Бѣльскому, не засталъ его, вернулся домой и прошелъ въ библіотеку.

Не смотря на то, что онъ обыкновенно мало обращалъ вниманія на окружающую обстановку и не придавалъ ей особенного значенія, ему не по душѣ были его мрачныя комнаты въ нижнемъ этажѣ, со сводчаты-

дарь принималъ деть
ложившихъ досто
мощи.

Русскія народныя сказки. Баба-Яга. Ориг. рис. П. Волкова, грав. Флюгель.

ми потолками, съ наполовину закрашенными окнами, во избѣжаніе не скромныхъ взглядовъ проходившихъ по тротуару и проѣзжавшихъ по набережной Мойки. Поэтому когда онъ бывалъ дома, онъ обыкновенно отправлялся въ библиотеку. Это было его любимое мѣстопребываніе.

Обширная и свѣтлая комната, вся заставленная массивными шкафами съ книгами; на шкафахъ бюсты писателей, ученыхъ, художниковъ всѣхъ временъ и народовъ. Посреди комнаты огромный столъ и на немъ всегда были разложены какъ иностранныя, такъ и русскія новыя изданія и газеты. Въ амбразурѣ широкаго окна, вблизи отъ двери въ маленькую гостиную, помѣщалось большое сафьянное кресло со всевозможными приспособленіями для чтенія. Въ этомъ креслѣ можно было сидѣть, лежать въ какомъ угодно положеніи. Двигавшійся во всѣ стороны пюпитръ поддерживалъ книгу; можно было приспособиться какъ угодно, давая себѣ только одинъ трудъ: переворачивать страницы.

На этомъ то креслѣ Борисъ, любившій иногда поижиться, обыкновенно устраивался съ книгой. А выборъ для чтенія былъ громадный.

Сергѣй Борисовичъ, большой любитель книгъ, въ юности выписывалъ все мало-мальски интересное. Затѣмъ, вернувшись изъ своего долговременного пребыванія за границей, онъ привезъ огромное количество книгъ. И съ этого времени аккуратно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы обѣ его библиотеки, въ Горбатовскомъ и въ Петербургѣ, постоянно пополнялись. Эти библиотеки составляли чуть ли не лучшее частное книгохранилище въ Россіи.

Каталоги составлялись тщательно, библиотеки были въ полномъ порядке.

И Борисъ каждый разъ, забравшись сюда, находилъ какую нибудь новую, любопытную и рѣдкую книгу, которая сразу поглощала его вниманіе. Онъ просиживалъ цѣлые часы, время отъ времени мѣняя свое положеніе въ креслѣ и то опуская, то поднимая пюпитръ.

Такъ съ нимъ случилось и теперь. Онъ нашелъ интересную книгу и погрузился въ чтеніе. Онъ уже читалъ около часу, когда услышалъ въ маленькой сосѣдней гостиной, дверь въ которую была отперта и отъ которой его раздѣляла только тяжелая, спущенная драпировка, шуршанье женского платья.

Кто то кашлянулъ и Борисъ узналъ въ этомъ кашль Катринъ.

Онъ не обратилъ вниманія и продолжалъ чтеніе.

Но не прошло и двухъ минутъ, какъ снова раздались шаги, на этотъ разъ мужскіе, и упавшій голосъ Катринъ произнесъ:

„Что вы со мною сдѣлали?!"

У Бориса сильно забилось сердце. Онъ еще не понималъ, не зналъ кто это, но уже предчувствовалъ что-то недобroe.

„Что вы со мною сдѣлали?!"—Мало ли кому и по какому поводу могла она сказать это. Но въ звукахъ ее голоса послышались Борису такія ноты, на какія онъ даже не считалъ ее способной.

Онъ хотѣлъ встать, войти въ гостиную, но вдругъ почувствовалъ себя какъ бы парализованнымъ. Его сердце шибко стучало, онъ невольно затаивалъ въ себѣ дыханіе. Онъ ничего уже не соображалъ, онъ только слушалъ...

Онъ слышалъ все и, по мѣрѣ того какъ они говорили, у него все больше и больше начинала туманиться голова. Тоска его охватила. И въ тоже время онъ оста-

вался неподвиженъ. Онъ уже не знала, она почувствовала вопроса: что онъ дѣлаетъ, хорошо ли дѣлаетъ всѣми, даетъ знать о своемъ присутствіи, что подслушиваетъ...

А разговоръ ихъ продолжался и каждое новое, произнесенное Катринъ или Щапскимъ слово, такъ и ударило Борису прямо въ сердце...

Вотъ она говоритъ: „мой будущій ребенокъ—твой ребенокъ..."

Послѣдняя надежда, остававшаяся Борису, исчезла. Ужасъ охватилъ его. Онъ не могъ больше вынести. Не помня себя, онъ вскочилъ съ кресла, книга упала съ пюпитра на коверъ. Онъ схватился за голову, у него будто подкосились ноги и онъ снова опустился въ кресло, пряча лицо въ холодныхъ сафьянныхъ подушкахъ, будто желая скрыться отъ этого позора, который поразилъ его такъ, какъ будто это былъ его собственный позоръ.

Теперь уже онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ. Такое мучительное полузыбыть продолжалось несколько минутъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя и поднялся.

Что дѣлать? Уйти, уйти скорѣе отъ этой грязи, чтобы только ничего не видѣть!..

Пока его сомнѣнія были только сомнѣніями, онъ еще могъ разсуждать хладнокровно. Онъ видѣлъ опасность, но надѣялся, что это не болѣе какъ опасность, что она еще можетъ быть и будетъ отстранена. Щапскій уѣхалъ, не возвращался и до сихъ поръ о немъ не было никакого слуха.

Потомъ наконецъ онъ вернулся, но, какъ видно, не спѣшилъ съ первымъ визитомъ. Богъ дастъ все обойдется и увлеченіе Катринъ пройдетъ...

Онъ не смѣлъ подозрѣвать ее въ большемъ. Но теперь эти нежданныя откровенія оглушили его какъ громомъ. Не только паденіе, но и послѣдствія этого паденія,—самое худшее, что только могло случиться, чего никто, ни онъ, ни мать, не имѣли никогда въ мысляхъ!..

И что же теперь дѣлать, какъ быть? — онъ не могъ ничего понять, ничего придумать. Онъ чувствовалъ только съ каждой секундой возраставшую потребность уйти, вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Онъ задыхался.

Онъ уже направился было черезъ библиотеку въ противоположную двери; но тутъ услышалъ громкія истерическія рыданія Катринъ. Эти рыданія были такъ страшны и отчаянны, что въ немъ мелькнуло естественное, простое чувство жалости къ живому, физически страдающему организму.

Онъ вернулся и вошелъ въ гостиную.

Возбужденіе, испугъ и ужасъ Катринъ завершились обморокомъ. Онъ невольно растерялся. Его отвращеніе, негодованіе, страданіе—все вдругъ утихло. Онъ только сознавалъ, что нужно привести ее въ чувство и по возможности теперь, хоть на это первое время, первую минуты, избѣгнуть огласки, скрыть эту сцену отъ домашнихъ и прислуги.

Онъ послѣдовательно дѣлалъ, заперъ ее на ключъ, потомъ вернулся къ неподвижно лежавшей Катринѣ, замѣтилъ на столикѣ фланконъ съ англійской солью, приложилъ его къ ея ноздрямъ, сталъ дуть ей въ лицо. Мало-по-малу она очнулась, приподнялась, сѣла, взглянула на него своими блуждающими глазами.

Она была страшно блѣдна, ея губы тряслись. Она опустила глаза и не была въ силахъ поднять ихъ снова. Во всей ея фигурѣ, въ выраженіи ея лица теперь видѣнъ былъ страхъ, почти паническій страхъ.

(До слѣд. №).

Полковникъ изъ Золотоноши.

Историческая повѣсть

А. Н. Ниролова.

(Окончаніе).

XX.

Осипъ продолжалъ исполнять свое назначеніе безсмѣнного ординарца, сопровождалъ Его Величество на всѣ смотры войскъ,

стянутыхъ подъ Одессою. Кромѣ того ему приходилось часто состоять на дежурствѣ и исполнять другія порученія, такъ какъ свита Государя была малочисленна. Однажды Госу-

дарь принималъ депутацию отъ местныхъ колонистовъ, предложившихъ доставить бѣзъ всякаго вознагражденія въ черноморскіе порта пять тысячъ четвертей пшеницы на продовольствіе дѣйствующей арміи. Государь былъ тронутъ доброжелательствомъ колонистовъ и благодарили ихъ за щедрое пожертвованіе. Спустя часа два, Государь позвалъ Осипа.

— Здѣсь была депутация отъ колонистовъ, сказалъ Государь. Узнай, кто изъ нихъ главный и передай ему отъ меня орденъ Святаго Владимира. Скажи также, что этотъ орденъ даетъ ему право быть русскимъ дворяниномъ.

Щедрость Монарха удивила всѣхъ. Простому колонисту орденъ Св. Владимира—это большая награда; но рѣдко кто не зналъ, что этотъ колонистъ былъ главнымъ и самымъ честнымъ поставщикомъ всей арміи. Это былъ Гоффъ. Въ настоящее время его колонія Блюменталь была одною изъ самыхъ лучшихъ на Черноморскомъ прибрежью, его корабли работали по транспортировкѣ грузовъ въ дѣйствующую армію и доставляли ему значительный доходъ. Образовавшися за послѣдніе годы греческаго восстанія, затруднившаго торговлю его съ портами Эгейскаго моря, огромные запасы хлѣба, нынѣ съ большою выгодою были уступлены имъ интендантскому вѣдомству, доставивъ пользу владѣльцу и казнѣ. Объ этомъ зналъ Государь; ему доложено было, что если бы не колонистъ Гоффъ, то интенданство могло встрѣтить большія затрудненія въ продовольствіи арміи.

За это же время Гоффъ выстроилъ въ Одессѣ роскошный домъ съ значительными складами, устроилъ здѣсь транспортную контору; здѣсь же жилъ его племянникъ Генрихъ, недавно женившійся на дочери одного баварскаго выходца, сахаровара. Старики Гоффы оставались въ Блюменталѣ, выписавъ къ себѣ изъ Германіи другаго малоизвѣстнаго имъ племянника, а Генриха оставили на жительствѣ въ Одессѣ и поручили ему веденіе торговыхъ оборотовъ и расчетовъ съ казною, что при спокойномъ, терпѣливомъ и скромномъ характерѣ Генриха, было удобно.

Во дворѣ двухъэтажнаго гоффова дома, въ широкія желѣзныя ворота уже съ самого ранняго утра вѣзжали и выѣзжали, грохоча по каменной мостовой, тяжело нагруженныя подводы. Кругомъ стояла страшная неосѣдаемая пыль, заволакивавшая туманомъ даже яркое полуденное солнце. Домъ, выкрашенный еще недавно въ бѣлую краску, сдѣлался отъ постоянной пыли грязно сѣрымъ, а на выѣскѣ, помѣщенной между первымъ и вторымъ этажами, едва можно было разобрать надпись: „контора колониста Іогана Гоффа“. Прямо отъ входа, въ большой помѣстительной залѣ сидѣло нѣсколько конторщиковъ, съ ранняго утра до поздняго вечера производившихъ отпуски и приемы безпрерывно поступающихъ и также безпрерывно отправляемыхъ товаровъ. Здѣсь же у двери вѣчно стояла кучка вощиковъ, дожидая очереди на получение накладныхъ. Вѣчная суeta въ конторѣ, шумъ, гамъ, грохотъ во дворѣ и передъ окнами указывали на бойкость и вмѣсть съ тѣмъ на правильность и аккуратность заведенной нѣмецкой торгово-машины.

Верхній этажъ занималъ Генрихъ съ женой; здѣсь же оставлялся и старикъ Гоффъ, когда пріѣзжалъ на ревизію своей Одесской конторы. Въ настоящее время онъ только что вернулся съ приема у Государя, переодѣлся и самодовольно улыбаясь помѣстился въ креслѣ въ столовой, гдѣ бѣлокурая нѣмка, его невѣстка Розалія, приготовляла ему кофе. Куря сигару, онъ съ самодовольствомъ повторялъ нѣсколько разъ, что Его Величество удостоилъ чести разговаривать только съ нимъ однѣмъ и ни съ кѣмъ болѣе изъ депутатовъ. На это Розалія, не говоря ни слова, только скромно улыбалась.

Послышился звонокъ. Розалія, думая, что это вернулся изъ конторы ея любимый Генрихъ, отворивъ дверь, къ удивленію своему, увидала передъ собою высокаго роста казацкаго полковника въ сопровожденіи ординарца казака. Испугу и конфузу молодой нѣмки не было конца. Покраснѣвъ до ушей, опустивъ голову, она не знала, что дѣлать, что сказать.

— Дома господинъ Гоффъ? спросилъ громко Осипъ.

— Ich Weiss nicht, шепотомъ проговорила Розалія и быстро скрылась въ комнаты.

Гоффъ, не понимая въ чѣмъ дѣло, такъ какъ отъ сконфуженной Розы нельзѧ было добиться никакого толку, тихо всталъ съ кресла и встрѣтилъ Осипа уже въ залѣ.

— Государь Императоръ, началь Осипъ, пристально смотря на Гоффа и думая, узнаетъ ли онъ его, приказалъ мнѣ передать вамъ въ благодарность орденъ Святаго Владимира; этотъ орденъ даетъ право на получение потомственнаго русскаго дворянства.

Сначала старикъ не понялъ ничего, но вскорѣ потомъ оправившись, принялъ серьезный видъ и ставъ на колѣни, взялъ отъ Осипа орденъ и со слезами на глазахъ проговорилъ:

— Боже! достоинъ-ли я такой царской милости! Затѣмъ онъ тихо подошелъ къ зеркалу, надѣлъ на себя знакъ отличія и неожиданно бросился на шею къ Осипу.

— Позвольте, господинъ полковникъ, обнять васъ отъ радости. Я такъ тронутъ Монаршею милостью, что едва удерживаюсь отъ слезъ. Вотъ и на старости лѣть мнѣ выпадало такое счастіе. Милости же просимъ, господинъ полковникъ, ко мнѣ въ столовую, раздѣлите мою радость, началь суетиться старикъ.

Роза, крикнула онъ, позвони Генриху, да распорядись, чтобы завтракъ былъ и самая лучшая вина!

— Постойте, постойте, Иванъ Егоровичъ, остановилъ Осипъ засуетившагося Гоффа. Вы посмотрите: кого передъ собою видите, быть можетъ старого знакомаго.

Старикъ Гоффъ началъ глядѣть на Осипа, но не могъ узнать его.

— Помните, у васъ былъ прикащикомъ въ Блюменталь Осипъ?

— Осипъ, Осипъ... припоминалъ Гоффъ, которому уже пачинала измѣняться память. Извините, не помню, полковникъ.

— Который уѣхалъ отъ васъ въ Измаиль по просьбѣ Анастасіопуло.

— Ахъ помню, помню, такъ это вы?! съ недоумѣніемъ воскликнулъ Гоффъ.

— Я, я, господинъ Гоффъ. Ну дайте же теперь я васъ поцѣлую, мой добрый бывшій хозяинъ.

Старикъ былъ удивленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищенъ такою случайностью. Онъ не зналъ, гдѣ усадить, чѣмъ угостить Осипа. Пришелъ Генрихъ, еще болѣе растолстѣвшій, и узнавъ, что полковникъ, это тотъ самый, котораго онъ нанялъ въ работники, только улыбался и то и дѣло подходилъ къ Осипу и жалъ ему руку.

Еще недолго пробылъ въ Одессѣ Гладкій. По приказанію Государя его командировали въ главную квартиру дѣйствующей арміи, гдѣ онъ нуженъ былъ, какъ человѣкъ знающій турецкій языкъ и знакомый съ обычаями, порядками въ Турціи. Черезъ недѣлю онъ уже плылъ на военномъ корветѣ по направлению къ Варнѣ.

XXI.

Между тѣмъ можно себѣ вообразить что было въ Краснохижинѣ и въ уѣздѣ, когда наконецъ узналась исторія Осипа официально, и счастливая, помолодѣвшая отъ радости Федосья, получила отъ мужа письмо и деньги. Она построила новый домъ, по приказанію мужа купила себѣ и дѣтямъ все новое, ходила какъ богатая казачка. Толкамъ и рассказамъ не было конца.

Домъ Федосы навѣщался почти всѣмъ околоткомъ. Всякій желалъ знать подробности, какимъ путемъ ея мужъ достигъ почестей и за какія заслуги пожалованъ въ чинъ полковника. Но Федосья сама ничего не знала и сама не разъ, забывшись, думала, ужъ не чудный ли сонъ это какой нибудь и не рушится ли все это? „Царь пожаловалъ моего Осипа, а я, бачь, его жинка“,—говорила она обыкновенно, когда начинали ей досаждать разспросами, какъ и когда взыскалъ Царь Осипа своими милостями.

Начались уже отпѣли. Мартовское солнце грѣло сильнѣе и становилось ярче. По полямъ показались проталины, глыбы тучного чернозема выглядывали жирною массою изъ-подъ талаго снѣга. По деревнѣ стояли лужи; по косогорамъ съ шумомъ бѣжали ручейки, наводняя балку. Ставъ уже весь былъ залитъ водой, успѣвшей своимъ напоромъ переломать ледь, на которомъ только-что паробки устраивали вечернія игрища. Защебетали жаворонки, зачирикала осенняя, издали послышался крикъ журавля, предвѣстника весенней поры.

При яркомъ освѣщеніи солнца весело выглядывали горенки Федосы. По окнамъ разставлены были горшки герани, а въ висѣвшій кѣлѣтѣ распѣвали веселыя пѣсенки канарейка. Агафья съ утра до вечера чистила и вытирала, любуясь на веселыя комнаты и радуясь уютству и довольству, которымъ ихъ окружали. Даже старуха-матерь, и та, видимо, исправилась, окрѣпла и перѣдѣко по цѣлымъ днямъ сидѣла подъ окошкомъ на солнцѣ, лаская то внука, то внучку, которые съ шумомъ и възною разсказывали ей о сдѣланыхъ ими успѣхахъ съ дѣячкомъ Павломъ.

Было уже подъ вечеръ. Старуха пошла въ свою коморку, Агафья готовила вечеря, а дѣти играли на дворѣ, возвясь съ талой водой, проводя ее по вырытымъ канавкамъ со двора, внизъ по косогору, въ ставъ. Федосья оставалась въ задней горенкѣ, разговаривая съ Павломъ объ ученіи дѣтей и разспрашивала его, что той-ли онъ учитъ грамотѣ, что наказывалъ ей мужъ.

— Да той же самой, Андреевна, убѣждалъ ее Павелъ; какая же иная грамота, сперва по церковной, потомъ по гражданской грамотѣ выучатся, а потомъ научатся и писать.

— Ну, ты скажи мнѣ, Павелъ, скоро они научатся, чтобы написать письмо отцу? спрашивала Федосья.

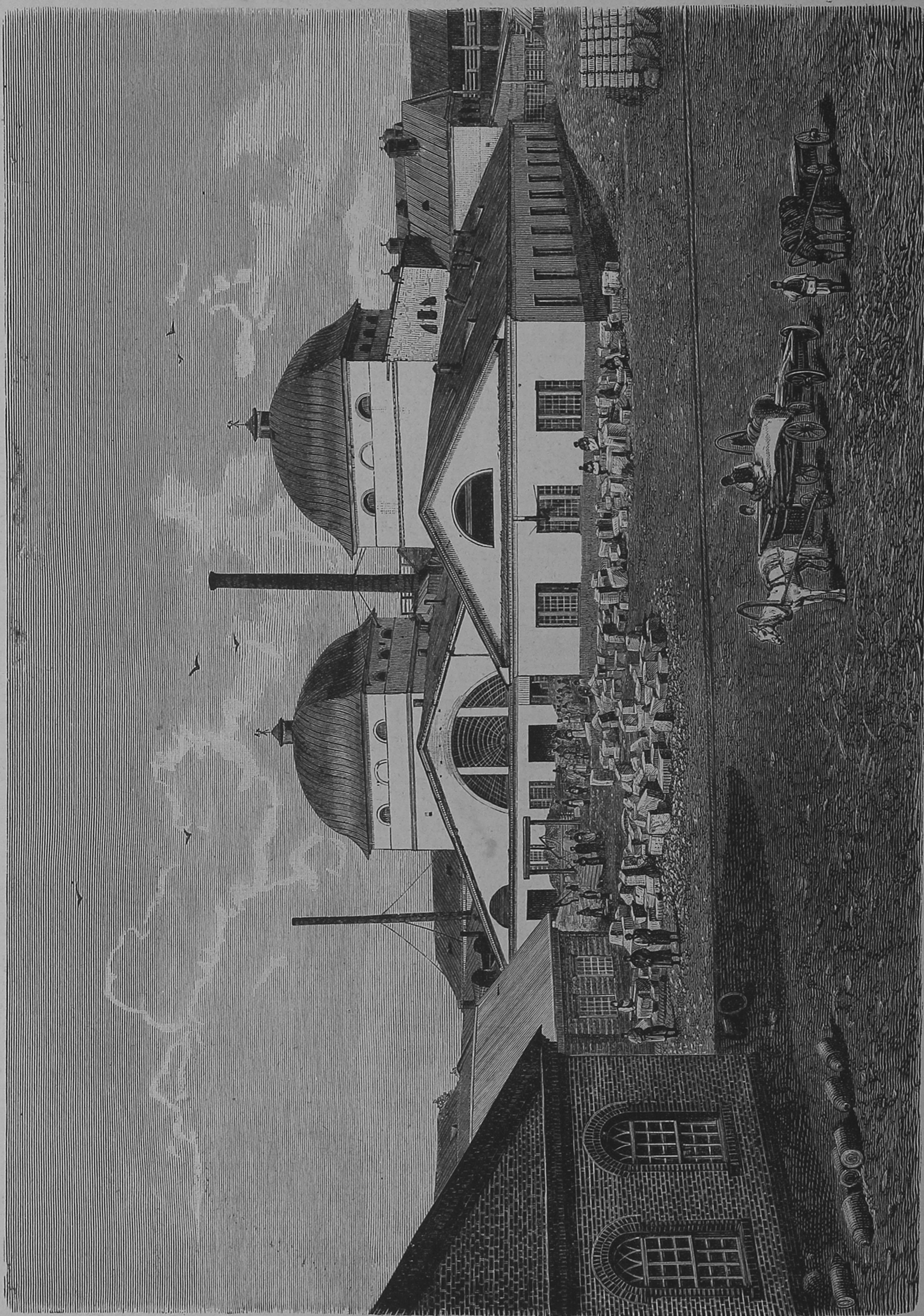
— Скоро хотите, матушка, Федосья Андреевна, отвѣчалъ улыбаясь Павелъ. Чѣсакъ прежде псалтирь будуть умѣть читать, а потомъ уже письма станутъ писать...

— Тебя не разберешь, Демьянъ-чъ, перебила его Федосья, не довѣряя словамъ Павла. Ну хочешь что-ли чарку горилки? предложила она ему, какъ это она всегда дѣлала, отпуская его въ концѣ дня, послѣ уроковъ.

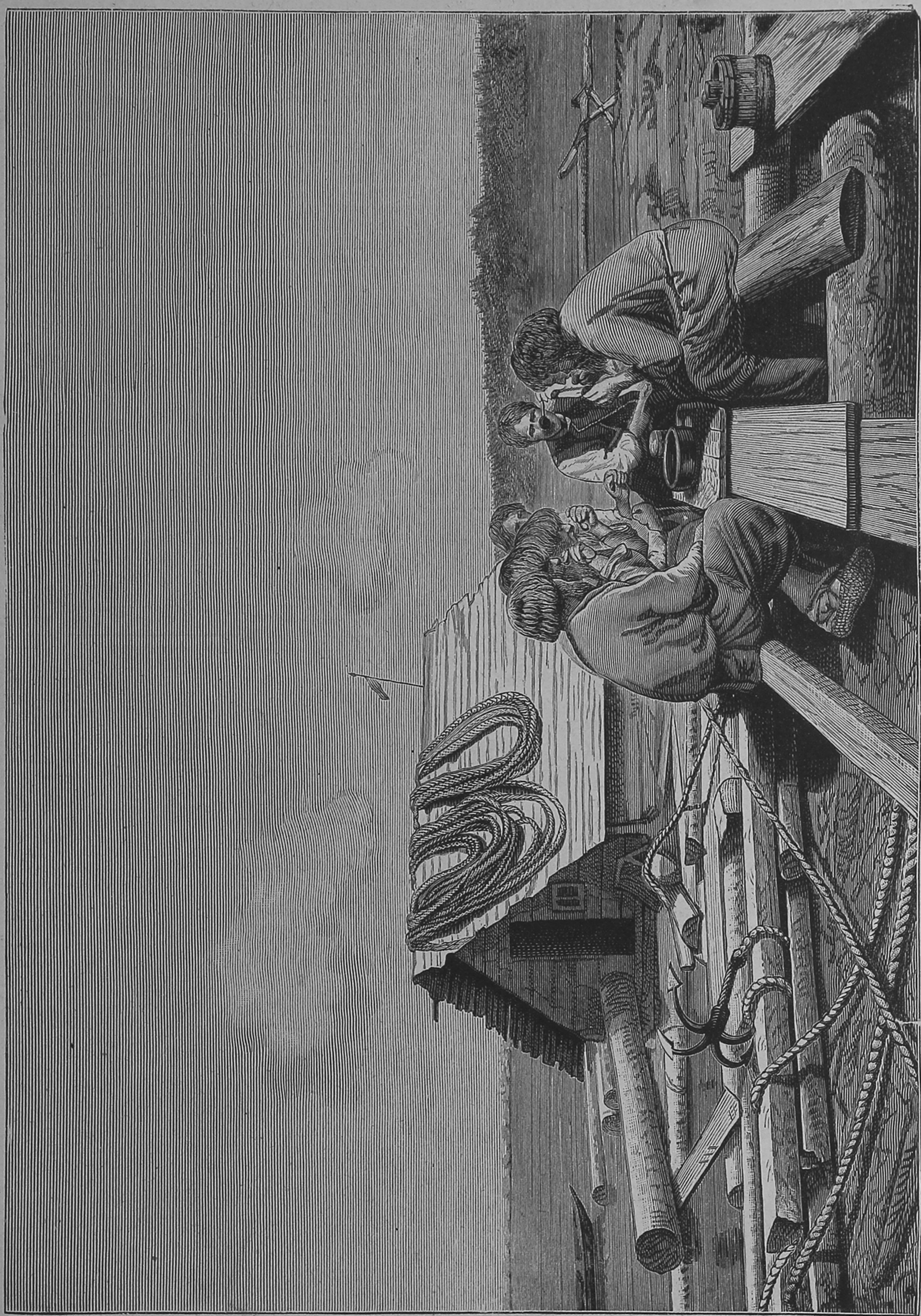
Федосья пошла было въ шкафъ, вдругъ въ кухнѣ послышался повелительный голосъ Агафьи. „Куда лѣзешь, чубатый, виши, горницы только что вымыла. Чего тебѣ надо-ть?“

— Кто это тамъ Агафья? крикнула Федосья.

— Да вотъ, выборный лѣзетъ тоже съ грязными чоботами прямо въ горницу, ворчала Агафья.

Баранчанский казенный чугуноплавильный заводъ (Пермск. губ. Верхотурск. уѣзда). Съ фотограф. грав. М. Рашевской

Объезд рабочих на плотахъ. Ориг. рис. Н. Зиновьева, грав. Ю. Бараповсей.

— Грамотка есть, Федосья Андреевна, изъ города привезъ, подсудокъ даль; на почтъ, значитъ, объявились.

Это было другое письмо отъ Осила. Дрожащими руками взяла его Федосья отъ выборного, посмотрѣла на него и чуть не со слезами проговорила: „что-то пишетъ мой желанный!“ Агафья принесла въ двухъ шандахъ сальныя свѣчи, для Павла поставили закуску, графинъ горилки, и далеко за полночь онъ все читалъ и перечитывалъ Федосью Осило посланье.

Въ этотъ разъ письмо Осила было длинное, онъ подробно описывалъ, какъ онъ жилъ въ Сѣчи, какъ воевалъ въ Греціи, какъ на его глазахъ погибъ Морозъ, его тестъ. „Береги матушку, ни въ чемъ ей не отказывай; если хочетъ съ нами жить, пускай живеть, а не хочетъ, купи ей новую хату и всячески устрой старуху. Помни, что всему нашему счастью починъ далъ покойникъ“ писалъ Осиль.

При однозвучномъ и безтолковомъ чтеніи Павла, Федосья ничего сначала не поняла. Письмо перечитывали нѣсколько разъ и только послѣ нѣсколькихъ чтеній, сопровождаемыхъ объясненіями Павла, она наконецъ взяла въ толкъ, что отецъ ея тоже былъ атаманомъ и что онъ погибъ въ войнѣ съ греками. „Ахъ, батюшки мой свѣты!“ вскрикнула Федосья, узнавъ настоящую судьбу своего давно скрывшагося отца. „Вотъ чудеса-то! Царствіе небесное моему батюшкѣ, родимому! Не видала его ясныхъ очей, не ласкалъ онъ меня горемыку“. И Федосья начала плакать, вспоминая сколько было горя и матушкѣ, и Осилю, и ей, пока все эти напасти не искушились настоящимъ счастьемъ.

Было уже поздно, Федосья не будила старуху. Для нея эта новость была истинною новостью, такъ какъ она ни разу не слыхала отъ матери о судьбѣ своего отца. Она знала только, что отецъ давно ушелъ и съ тѣхъ поръ не возвращался; но куда ушелъ, живъ-ли онъ—она не знала. Проводивъ Павла, ей не спалось. Она долго размышляла о случившемся и въ прицудливыхъ, неестественныхъ формахъ всю ночь ей представлялись картины, какъ погибъ отецъ, какъ заступилъ потомъ его мѣсто Осиль. „Видно ужъ нашъ родъ такой, подумала Федосья. Атаманъ это тоже полковникъ, значитъ и матушка полковница и я дочь полковника“. Съ этой мыслью Федосья заснула сладкимъ сномъ и ей снились то высокіе корабли, на которыхъ стояли рыцари, то статный казакъ въ золотомъ кунтушѣ, въ которомъ она узнавала отца, то золотой дворецъ, въ которомъ царевъ царь, а Осиль подносилъ царю золотой кубокъ вина.

— Мамуся, нужно панихиду отслужить, обратилась она къ матери поздно утромъ, на другой день, проспавъ чуть не до полдня.

— Что ты, что ты, доченька, проговорила старуха испуганнымъ голосомъ. По комъ служить панихиду, у насъ слава Богу всѣ живы, здоровы.

— Нѣть, матушка, нужно. Боюсь тебя огорчить нежданною новостью, а нужно отслужить панихиду за успокоеніе души Андрея.

— Что ты, Федосьюшка, въ умѣ ли ты, возразила мать. Во спѣ что-ли видѣла что не хорошее...

— Да нѣть, дорогая, не во спѣ, а на яву. Вчера получила письмо отъ Осила.

— Ну, слава тебѣ Господи. Живъ, здоровъ, соколь нашъ родимый?

— Живъ и здоровъ матушка. Шлетъ тебѣ поклонъ низкій и мнѣ наказъ, дорогая, чтобы я тебя берегла и успокоивала пуще своего глаза.

— Охъ спасибо ему сердечному, проговорила старуха, не забываетъ онъ и меня въ своемъ величіи.

Старуха заплакала отъ радости. Федосья вскочила съ постели, начала цѣловать и голубить мать. Въ сосѣдней горенкѣ слышались крики дѣтей—буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, глаголь-азъ-га.

— А панихиду, голубушка матушка, все таки нужно отслужить по покойномъ батюшкѣ, царствіе ему небесное.

Старуха совсѣмъ растерялась. Федосью пришлось долго рассказывать ей о содержаніи письма Осила. Она то плакала, то тихо прочитывала молитвы, то крестилась. Ей захотѣлось пролистать подлинныя слова Осила. Позвали Павла, за нимъ вѣжали дѣти. Началось новое чтеніе письма, новое толкованіе его Павломъ, котораго окружили дѣти и пришедшая на этотъ случай изъ кухни Агафья. Всѣ крестились, дѣти начали хныкать, старуха все причитывала—„Господи, прости ему его согрешенія!“

Вечеромъ на погостѣ мельничной церкви собралось все казачество, были казаки и изъ Краснохижинъ. Всѣ толковали о новой грамотѣ отъ Осила, о погибели атамана Мороза, отца Федосии, вспоминали объ его прошломъ.

Къ церкви подѣхала телѣжка, на которой сидѣла Федосья съ матерью. Казаки сняли шапки и поклонились полковницѣ. Заходящее солнце играло на потускѣвшихъ стеклахъ деревенской церкви и освѣщало почернѣвшій иконостасъ. Церковь наполнилась народомъ, отецъ Иванъ началъ службу. Когда онъ тихимъ протяжнымъ голосомъ началъ молить Всевышнаго объ отпущеніи гольныхъ и невольныхъ грѣховъ покойника, старуха бросилась на колѣни и навзрыдъ зарыдала. Народъ началъ

усиленно креститься и теплыя народныя молитвы возносились къ небу, прося Милосерднаго объ отпущеніи грѣховъ усопшаго Андрея.

Въ эту ночь старуха не могла спать. Сильно растроганную, полуложившую, ее привезли домой и уложили въ постель. Федосья не отходила отъ нея.

— Успокойся родимая, не печаль своего сердца, не терзай мою душеньку, говорила она матери.

— Охъ, доченька, скрывала я отъ тебя великій грѣхъ твоего отца, шептомъ говорила старуха. Не хотѣла мутить тебя страшными словами. Люди забыли, да и я было забыла про мужа и про грѣхъ его. Но видно Господу было угодно, чтобы мы всѣ помолились за успокоеніе души грѣшника.

Старуха рассказала дочери послѣднія минуты прощенія съ мужемъ и то страшное время, какое ей пришлось пережить послѣ его побѣга. Голосъ старухи перебивался плачемъ и рыданіемъ. Федосья съ ужасомъ узнала о томъ страшномъ вечерѣ, котораго она была свидѣтельницей, качаясь въ люлькѣ и о значеніи котораго узнала только теперь.

Время лучшій исцѣлитель всякаго рода несчастій и душевныхъ невзгодъ. Горе Федосии съ матерью разсѣялось наступившими лучшими весенними днями и счастьемъ настоящаго. Вычищенный и распустившійся садикъ былъ любимымъ мѣстомъ всей семьи. Сосѣди и все казачество начали старуху также величать полковницѣю, что и ей, и Федосью было очень пріятно.

XII.

Почтовый трактъ между Петербургомъ и Москвою, зимою 1829 года, былъ особенно оживленъ. Въздѣ и впередѣ скакали курьеры, фельдъегера съ донесеніями и предписаніями о размѣщении и порядке возвращенія дѣйствующей арміи изъ предѣловъ Турціи по заключенію славнаго Адріанопольского мира 14-го сентября. Генералы, штабъ и оберъ-офицеры торопились съ театра войны на родину, стремясь увидѣть своихъ близкихъ послѣ тяжелой и продолжительной компании. Почтовые станціи полны были проѣзжающими, станціонные смотрители не знали какъ удовлетворять требованіямъ, и нерѣдко только что возвращавшіяся тройки запрягались подъ новую гонку. Въ ямскихъ слободахъ, раскинутыхъ по тракту, лошади собраны были со всѣхъ окрестныхъ селъ и народъ не помнилъ такого гона, какои былъ въ эту зиму.

Подъ утро сильно морозило. Мѣсяцъ стоялъ высоко и свѣтилъ еще яркимъ свѣтомъ. Кругомъ все окутано было инеемъ,—тянувшіеся вдоль дороги лѣса, усталая, едва бѣгущая рысь тройка, овчий тулузъ ямщика, паша рядомъ сидѣщаго съ нимъ казака, епотовая военная шуба развалившагося въ саняхъ офицера. Сани раскатывались то вправо, то влѣво, колокольчикъ еле звучалъ, оледенѣвъ отъ холода. Завернувшись въ шубу, офицеръ спалъ; казакъ, сидя на облучкѣ, покачивался изъ стороны въ сторону; одинъ только ямщикъ покрикивалъ на измученныхъ лошадей.

Однообразные темные лѣса начали рѣдѣть, издали изъ-за тумана показались высокія трубы Александровской мануфактуры. Стало чаще встрѣчаться пригородныя села; нескончаемые обозы, направлявшіеся на Сѣнную площадь, заграждали дорогу, а лошади, почуявъ приближеніе станціи, пошли бодрѣ. Ямщикъ остановилъ лошадей, началъ подвязывать колокольчикъ.

— Ай скоро Петербургъ? спросилъ проснувшийся офицеръ.

— Скоро, вотъ за полянкою Ямская слобода начнется, отвѣтилъ ямщикъ, подобравъ лошадей. Тройка встрепенулась и понеслась по крѣпко убитому снѣгу, то и дѣло обгоняя снующія по дорогѣ подводы.

Это былъ Осиль. По окончаніи компаніи, лишь только начались переговоры о мирѣ, согласно волѣ Государя Императора, онъ долженъ былъ выѣхать на Кавказъ и прискать тамъ мѣсто для заселія запорожцевъ. Онъ былъ за Кубанью, около Анапы, но не нашелъ тамъ ничего годнаго. За то возвращаясь по Черноморью, ему приглянулись мѣста вблизи Азовскаго моря, между городами Мариуполемъ и Бердянскомъ, составлявшіе казенные участки и не приносившіе никакого дохода. Осильѣхъ теперь въ Петербургъ, доложить объ этомъ Государю и испросить Высочайшаго соизволенія поселиться запорожскому кошу въ Пріазовыи.

Проѣхали московскую заставу, на которой путейскій унтер-офицеръ, осмотрѣвъ подорожную, крикнулъ „подѣхъ“, обогнули ограду Александро-Невской лавры и выѣхали на Невскій проспектъ. Начало уже свѣтѣть. Лавки только что открылись, изъ подъ Лиговки выѣзжали одинъ за другимъ легковые извозчики и снявъ шапку набожно крестились по направлению къ Лаврѣ; по улицѣ въ пестрядиноныхъ халатахъ, въ прищирѣкѣ бѣгали мастеровые съ мѣдными чайниками въ сосѣдній трактиръ за кипяткомъ.

— Вамъ на квартиру, аль въ гостиницу? спросилъ, обращаясь, ямщикъ, когда начали подѣхѣвать къ Аничковскому мосту.

— Вези въ гостиницу, а какія здѣсь есть на Невскомъ? спросилъ Осиль.

— Есть разныя. Вотъ Аниччина, Егорова тоже, тамъ вонъ за Садовою—Афанасьеву; господа гдѣ останавливаются, отвѣтилъ ямщикъ.

— Гдѣ поближе ко дворцу.

— Такъ это, значитъ, вамъ нужно къ Микалаю Егоровичу, что у Конюшеннай. Тамъ всѣ господа офицеры стоять.

Тройка повернула съ Невскаго и остановилась у подъѣзда двухъ-этажнаго дома, занятаго славившеюся въ то время гостиницею „Эрмитажъ“. Здѣсь Осипъ расположился въ небольшомъ нумерѣ и, напившись чаю, послѣ долгой, утомительной дороги, заснулъ богатырскимъ сномъ.

У подъѣзда небольшаго съ колоннами дома на Милліонной улицѣ стояло нѣсколько каретъ, когда подъѣхалъ къ нему на другой день на легковомъ извозчикѣ Осипъ. Его встрѣтилъ громаднаго роста швейцаръ, отрапортовавшій, что его превосходительство черезъ полчаса должныѣхать во дворецъ.

— Минѣ только представиться, сказалъ Осипъ.

— Въ такомъ случаѣ сейчасъ доложить.

Швейцаръ позвонилъ, изъ боковой двери выскочилъ вѣстовой.

— Какъ прикажете доложить?

— Полковникъ Гладкій.

Не прошло минуты,—Осипъ былъ въ объятіяхъ добрѣйшаго Владимира Федоровича Адлерберга, бывшаго въ то время начальникомъ походной Его Величества канцеляріи.

— Атаманъ нашъ любезный!.. Какъ мы рады вѣсть видѣть, какъ батюшка доѣхали? Ну что, куда мы помѣстимъ вашихъ головорѣзовъ?

Осипъ подробно рассказалъ о результатахъ своей поѣздки на Кавказъ и просилъ содѣйствія Адлерберга, чтобы дозволено было заселить запорожцевъ около Бердянска.

— Куда угодно, батюшка. Земли тамъ много, для всѣхъ хватитъ, отвѣтилъ Владимиръ Федоровичъ. А вы вотъ что скажите: зачѣмъ вы обманули Государя Императора?

— Какъ такъ? спросилъ испуганнымъ голосомъ Осипъ.

— Да, батюшка, изволили обмануть Его Величество. Это грѣхъ, великий грѣхъ.

— Объясните, ради Бога, ваше превосходительство, въ чёмъ дѣло, началь умолять Осипъ.

— Вы зачѣмъ сказали Государю, что вы холость, и что у васъ въ Россіи нѣтъ семейства?

— Ахъ, Боже мой! вскрикнулъ въ отчаяніи Осипъ. Виноватъ передъ Богомъ и Государемъ. Нельзя было, ваше превосходительство, не скрыть. У насъ на Сѣчи по стародавнему обычаю, сами знаете, принимали только холостыхъ; я тогда еще юношей сказался холостымъ, поступая на Сѣчъ и считался такимъ, когда меня выбирали въ атаманы. Его Величество изволилъ спросить меня передъ всѣмъ кошемъ,—посудите сами, какъ же мнѣ было признаться на глазахъ у всѣхъ?

— Ну, батюшка, извольте сами теперь оправдываться передъ Государемъ.

— Помогите, ваше превосходительство. Виноватъ я, что говорить, прошу у Государя прощенія, повторялъ Осипъ.

— Ничего, ничего, атаманъ, успокоившись его Владимиръ Федоровичъ. Государю понравилось то, что вы помните и любите семью. „Хорошій семьянинъ; другой бы, пожалуй, и семью свою не призналъ“, сказалъ разъ мнѣ Государь.

— Какъ же Государь узналъ о моей семье? спросилъ Осипъ, успокоившись словами Адлерберга.

— Какъ узналъ! Его Величество все знаетъ, что у него дѣляется въ Имперіи. Съ вашего письма была снята копія и представлена сюда малороссійскимъ губернаторомъ. Ну, однако прощайте, дорогой атаманъ. Спѣшу во дворецъ. Я доложу сегодня обѣ вѣстъ Государю и сообщу, когда вамъ будетъ слѣдоватъ явиться. Только предупреждаю: Боже сохрани опоздать хоть минуткою. Государь этого страхъ какъ не любить. Лучше пріѣзжайте ранѣе и подождите въ караульной комнатѣ.

Озадаченный Осипъ вышелъ на Милліонную, прошелъ Адмиралтейскую площадь, завернувъ подъ арку, пошелъ по Невскому, обдумывая, что ему сказать Государю въ свое оправданіе. Величественный городъ Петра произвелъ на него магическое дѣйствіе. Онъ видѣлъ Константинополь, Москву, но они не произвели на него такого впечатленія, какъ Петербургъ. Постоянно движущіяся въ стройномъ порядке войска, неумолкаемая военная музыка, барабанный бой, на улицахъ молодцоватые въ строгой формѣ офицеры, все это производило на Осипа, въ душѣ военного, глубокое впечатленіе. „Что нашъ Буджакъ?! вотъ боевой станъ великаго народа подъ скипетромъ великаго Государа“, подумалъ онъ.

Черезъ два дня, въ шесть часовъ утра, Осипу назначено было явиться во дворецъ для представленія Государю. Было еще совсѣмъ темно, когда онъ подошелъ къ Салтыковскому подъѣзу дворца, отъ котораго шелъ ходъ прямо въ кабинетъ Его Величества. Внизу на лѣстницѣ стоялъ караульный офицеръ и сообщилъ ему, что еще рано, что Его Величество, хотя всталъ, по еще не звалъ къ себѣ никого. Минутъ чрезъ десять пріѣхалъ Адлербергъ.

— Атаманъ уже здѣсь, проговорилъ онъ улыбаясь, увидавъ Осипа. Молодецъ, не опоздалъ. Проговоривъ эти слова, онъ поспѣшилъ дойти на лѣстницу и скрылся въ покояхъ Государя.

— съ четверть часа. Осипъ ходилъ, какъ въ лихорадъ, флигель-адъютантъ крикнулъ сверху: „Его Величество звать къ себѣ полковника Гладкаго“. Осипъ на лѣстницу, вошелъ въ большую залу, где уже было

нѣсколько генераловъ, флигель-адъютантовъ, у дверей стояли въ парадной формѣ часовые отъ кавалергардскаго Его Величества полка. Дежурный генералъ ввелъ Осипа въ кабинетъ Императора Николая. Государь былъ въ формѣ Преображенскаго полка.

Милостию переговоривъ сперва о дѣлахъ, Государь спросилъ:

— Какая причина заставила тебя сказать мнѣ неправду?

— Виноватъ, Государь, простите. Не скрою передъ Вашимъ Величествомъ ничего. Всему кошу обѣщалъ я, что когда перейдемъ въ Россію, я выхлопочу у Вашего Величества для него право оставаться всѣмъ холостыми, какими они были въ Турции. Безбрачье—старинный обычай Сѣчи, Ваше Величество, и имъ дорожать запорожцы. Я отрекся отъ семьи, когда поступилъ на Сѣчъ, выбранъ былъ Сѣчью атаманомъ, какъ безбрачный, не могъ я на глазахъ у всѣхъ сознаться въ великомъ грѣхѣ.

Осипъ не могъ далѣе говорить, чувства волновали его, въ голосѣ слышны были слезы.

— Успокойся, успокойся, сказалъ милостию Государь. Я знаю, что ты хороший семьянинъ, добрый христіанинъ, вѣрный слуга мнѣ и родинѣ. О твоихъ дѣтихъ я позаботился. Проекты твои утверждаются на днѣхъ. Прощай.

Обласканый милостями Государя, Осипъ былъ вѣнчанъ себя отъ радости. Онъ сходилъ уже по лѣстницѣ, какъ нагналъ его Адлербергъ.

Осипъ пробылъ въ Петербургѣ около мѣсяца и осмотрѣлъ въ столицѣ все, что слѣдовало осмотрѣть. Добрый и гостепріимный Владимиръ Федоровичъ принималъ его съ тѣмъ радушіемъ и простотою, которая были неотъемлемою принадлежностью большинства высшихъ сановниковъ того времени. Онъ познакомился со многими офицерами гвардіи, штаба, его приглашали въ общество, где онъ былъ замѣченъ, обѣ немъ говорили. Но сердце его тянуло въ Мельники—къ женѣ, къ семье. Какъ только получилъ всѣ нужные документы отъ военнаго министра, онъ тотчасъ же сдѣлалъ прощальные визиты и безъ оглядки собралсяѣхать на родину.

— Васъ спрашиваетъ дѣвушка, полковникъ, доложилъ Осипу человѣкъ, когда онъ вернулся въ гостиницу съ послѣдняго визита.

— Какая дѣвушка? отъ кого? спросилъ Осипъ.

— Она не сказываетъ отъ кого, говорить, мнѣ нужно видѣть самаго полковника.

— Ну, позови ее, приказалъ сердито Осипъ.

Въ нумерѣ вошла дѣвушка, довольно просто одѣтая, покрытая платкомъ.

— Ты отъ кого, милая? спросилъ Осипъ.

— Княгиня Ольга Константиновна приказали кланяться и приказали спросить васъ, когда вы можете навѣстить ее, отвѣтила та.

Осипа поразилъ этотъ вопросъ. Военные события, неожиданныя милости Государя, хлопоты по устройству поселенія запорожцевъ, наконецъ заботы о семье совершенно вывели у него изъ головы княгиню и все то прошлое, что связывалось съ этимъ именемъ. Онъ даже забылъ, что она здѣсь въ Петербургѣ, хотя обѣ этомъ говорилъ ему въ Одесѣ Гофѣ. Ему досадно стало, что онъ не вспомнилъ о княгинѣ ранѣе и не явился къ ней до ея приглашенія. Онъ сознавалъ, что виноватъ передъ нею. Ему живо представилась картина яссаго заточенія, изъ котораго она его вывела.

„Опять она вспомнила обо мнѣ, опять зоветъ меня, думалъ Осипъ, ходя по комнатѣ. Для чего? Это не любовь—нѣтъ. Я самъ чуть было не увлекся ею на турецкомъ кораблѣ, но она отстранила это увлеченье... Свиданье у Іоническихъ острововъ было холодно; послѣдній разъ въ Яссахъ — дѣловое. Нѣтъ, здѣсь Богъ ее знаетъ что такое!“

Онъ радъ былъ видѣть княгиню; въ ея образѣ ему хотѣлось вспомнить свое недавнее прошлое, бурную жизнь, полную чудныхъ случайностей и увлекательныхъ неожиданностей.

На углу Шестилавочнай (нынѣ Надеждинской) и Ковенскаго переулка стоялъ деревянный небольшой домикъ, окруженный садикомъ и рѣшеткою. Съ улицы, одноэтажнаго дома почти не было видно, и угольное мѣсто улицы казалось пустыремъ, окруженнymъ заборомъ, чрезъ который выглядывали покрытые инеемъ деревья. Въ то время Шестилавочная была одною изъ самыхъ глухихъ улицъ города. Она не выходила на Невскій, какъ въ настоящее время, а оканчивалась немного далѣе Итальянской заборомъ, огораживавшимъ садъ какого-то казенного заведенія. На улицѣ имѣлось всего только шесть бакалейныхъ лавокъ, типа лавокъ уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ сосредоточено было все, что необходимо для вседневной простой, небогатой жизни. На этой улицѣ въ то время жило бѣдное чиновничество, семейные офицеры артиллерійскаго вѣдомства, приказчики Гостинаго Двора. Въ семь часовъ вечера улица становилась совсѣмъ глухою. Нѣсколько тусклыхъ масляныхъ фонарей едва освещали ее, кое-гдѣ промелькнетъ пѣшеходъ и только однозвучный лай цѣпныхъ собакъ то и дѣло оглашалъ эту тихую, пустынную улицу.

Осипъ долго искалъ указанный ему по адресу домъ Заенникова. Обойдя кругомъ забора, онъ едва замѣтилъ небольшую калитку, ведущую во дворъ. Калитка была заперта. Осипъ позвонилъ, поднялся лай цѣпной собаки.

— Кого вамъ нужно? спросилъ его выглянувшій изъ калитки дворникъ.

— Княгиня Ольга Константиновна Маврокордато здѣсь живетъ?

— Здѣсь.

Осипъ вошелъ во дворъ. Въ передней его встрѣтила дѣвушка и провела его въ гостиную. Небольшія, низенькія комнаты были обставлены просто мебелью. Квартира княгини походила скорѣе на келью, чѣмъ на квартиру великосвѣтской женщины. Во всѣхъ комнатахъ передъ образами висѣли зажженныя лампадки; теплый воздухъ былъ пропитанъ запахомъ деревяннаго масла и ладона; тишина и покой царили въ этомъ жилищѣ и не нарушились ни частыми посѣщеніями, ни выѣздами живущей въ немъ обитательницы.

Княгиня вышла. На ней было черное платье, на груди висѣли черныя четки. Худая, блѣдная, она сильно постарѣла. Только большие черные, выразительные глаза слегка напоминали о той прекрасной Ольгѣ, какою она была еще такъ недавно. Гладкій изумился, встрѣтивъ ее такою.

— Здравствуйте, мой другъ, проговорила она ровнымъ, спокойнымъ голосомъ. И не грѣхъ вамъ было не навѣстить старинную знакомую. Я долго была больна первою горячкою. Послѣ того, что пришлось пережить, послѣ тѣхъ ужасовъ, которые пришлось видѣть, оно и неудивительно. Теперь я немного поправилась.

Разговоръ былъ продолжителенъ и дружественъ; взаимно переданы были все мелочи. Княгиня имѣла видъ женщины покончившей съ жизнью и ея страстями...

XXIII.

Въ Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, среди необозримыхъ степей, стоитъ хуторъ Полтавецъ. Небольшая балка, тянущаяся поперекъ стени отъ самого Днѣпра, на самой вершинѣ своей дала возможность чрезъ небольшую затруднѣть собрать съ окрестныхъ возвышеностей стекающія воды въ небольшой ставъ. Около этого става окружено плетнемъ изъ ивы четырехугольное пространство, а съ передняго фасада, откуда предполагался вѣездъ, посажены пирамидальные тополи. По срединѣ выстроенъ одноэтажный небольшой домикъ, крытый соломою, на одной половинѣ котораго, называемой панскою, помѣщался владѣлецъ хутора, на другой—прислуга и работники. Съ боковъ громоздились хозяйственныя постройки—конюшня, амбары, сараи и рига. Словомъ хуторъ Полтавецъ былъ такимъ же, какимъ представляются всѣ хутора нашей степной Новороссіи.

Кто былъ основателемъ хутора, никто не помнить; но за то всякий зналъ, что этотъ хуторъ принадлежалъ знаменитому казенному атаману Азовскаго казачьяго войска Осипу Михайловичу Гладкому. Старики до сихъ поръ помнятъ атамана, высокаго роста, съ длинными сѣдыми усами, когда, бывало, онъ верхомъ отправлялся въ гости къ другу своему и пріятелю—Alexandrovskому исправнику. Всѣ кланялись атаману, всѣ помнятъ его радушную улыбку. Его знали и окрестные паны, и въ городѣ, и въ самомъ Екатеринославлѣ. Никто худаго слова не скажетъ про него. Доброта и простодушіе, съ которыми онъ относился ко всякому, къ самому чумазому хохлу, памятны для всѣхъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, несмотря на время косовицы, въ хуторѣ Полтавецѣ наступила необычайная тишина и спокойствіе. Не видать ни выѣзжающихъ съ плугомъ воловъ кругогихъ, ни поробковъ съ косами; даже вѣчно каркающія вороны и тѣ, разсѣвши ся на соломенной крыше дома, не каркали, а только молчаливо поворачивая голову, глупо смотрѣли изъ стороны въ сторону. Хуторъ погруженъ былъ въ сонъ и навѣдилъ тоску...

Научное земледѣліе.

Очеркъ.

По мѣрѣ того какъ развивается и совершенствуется химическая и земледѣльческая промышленность—усиливается и знаніе аналитической химіи. Послѣдняя стремится стать въ уровень съ промышленностью и отвѣтить ея новымъ и возрастающимъ требованіямъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, никто не интересовался составомъ удобрений, число которыхъ было, къ тому же, весьма ограничено. Но производство искусственныхъ удобрений, обманъ и поддѣлка, предметомъ которыхъ они сдѣливались, вызвали внимательство аналитической химіи, управляющей отнынѣ ихъ куплею и продажею. Аналитическая же химія была признана къ устраненію и открытию многочисленныхъ поддѣлокъ, которымъ стали подвергаться всевозможные товары и пищевые средства. Словомъ, эта отрасль химіи начала получать все большее и большее приложеніе. И земледѣліе воспользовалось ея драгоценными услугами.

Съ земледѣльческой точки зрѣнія, земля должна обладать различными свойствами, оказывающими, по мѣрѣ ихъ развитія, значительное вліяніе на производство культивируемыхъ растеній. Она должна—предохранять ихъ противъ сухости, равно какъ и противъ сырости; быть достаточно твердой, чтобы поддерживать ихъ, и достаточно пропицаемой, для того чтобы предоставить ихъ корешкамъ необходимую пищу. Отсюда, земля,

Августовское солнце парило немилосердно. Кругомъ все высохло, затвердѣвшее отъ припека стерно на поляхъ выглядало какою то щетиною, а зелени не видно было нигдѣ.

По пыльной дорогѣ лѣниво рысью бѣжала пара почтовыхъ лошадей, запряженная въ Новороссійскую бричку. Съ большой дороги бричка повернула на шляхъ къ хутору. Сидѣвшій въ ней офицеръ, заслоняя рукою глаза отъ солнца, началъ пристально смотрѣть на вдали виднѣвшіяся тополи.

Вѣхали во дворъ. Огромный овчарь, лежавшій по серединѣ двора, заслушавъ колокольчикъ, поднялъ голову и лѣниво тявкнулъ два раза. На дворѣ никого не было, точно весь хуторъ вымеръ.

— Есть здѣсь кто-нибудь? крикнулъ офицеръ, войдя на крыльцо.

Изъ полуотворенной двери выглянула старуха, въ черномъ очицѣ, босая и въ сдной рубашкѣ.

— Кого вамъ треба, паночку? прошамкала она, протирая глаза рукою.

— Кого нибудь; кто здѣсь за хуторомъ смотрѣть?

— Я смотрю, паночку, я, отвѣтила старуха, продолжая удивленно смотрѣть на офицера. Какъ померли гатаманъ и гатаманша, съ тѣхъ поръ я одна осталась. Былъ станововой, квартиру запечаталъ, паробковъ разсчиталъ, а скотину къ себѣ на хуторъ угнали, сказалъ, что жито самъ убереть.

— Какъ же ты одна здѣсь старуха? спросилъ удивленный офицеръ.

— Одна, кормилецъ, одна осталась здѣсь. Становой сказалъ: сторожи старуха добро, панычъ пріѣдетъ, тогда все разбереть.

— А квартира запечатана?

— Запечатана, родной, вотъ и печать цѣла.

— Да тебя какъ зовутъ?

— Агафья, родной.

— Эхъ Агафьюшка, а меня узнать, не узнала.

— Не узнаю, соколъ мой дорогой, не узнаю.

— Васютку помнишь, ай отъ старости забыла.

— Батюшки мой свѣтъ! вскрикнула старуха, всплеснувъ руками. Вася! Василій Осиповичъ, да вы ли это, красавецъ мой! и старуха отъ радости начала плакать.

— Ну, давай поцѣлуемся, Агафьюшка. Давно тебя не видать, да вотъ встрѣча-то теперь не на радостяхъ.

— Что дѣлать, дорогой мой, померли, Царствіе имъ Небесное, одинъ за другимъ померли, видно и на томъ свѣтѣ имъ жить вмѣстѣ надо-ть.

— Когда же скончались батюшка и матушка?

— Самъ-то кормилецъ умеръ на Сергія Радонежскаго, а Федосья Андреевна на другой день. Холера, видишь, у насъ лягала была, народу много покосило, только вотъ меня грѣшную Богъ не прибираетъ, проговорила Агафья со слезами.

На хуторѣ все было опечатано. Незапертою оставалась одна людская, гдѣ помѣщалась Агафья. Василій Осиповичъ послалъ ямщика за становымъ, а самъ помѣстился пока въ людской.

— Гдѣ же похоронили родителей? спросилъ онъ Агафью, когда вынесли вещи.

— Въ садочку дорогой, между крушинами, гдѣ сами желали при жизни, тамъ двѣ могилочки, родной.

Отъ самаго дома къ стану тянулся небольшой садикъ. Между листвою выглядывали налитныя черешни, вишни, яблоки. Въ концѣ дорожки стояли крушины, нагнувшись одна къ другой, какъ бы обнявшись. Между ними видались двѣ еще свѣжія могилы. Василій Осиповичъ, ставъ на колѣни, началъ молиться; Агафья, опершись рукою о лицѣ, горько плакала. Легкій вѣтерокъ знойнаго дня тихо проносился надъ ними, слегка сдувая песокъ, съ свѣженасыпанныхъ могиль...

конецъ.

предназначаемая для обработки, должна быть предварительно изучена съ точки зрѣнія своихъ физическихъ свойствъ и химического состава.

Существуетъ довольно много способовъ для механическаго анализа (изслѣдованія) почвы, анализа, позволяющаго до известной степени определить ея физическія свойства. И во всѣхъ этихъ способахъ, частицы значительныхъ размѣровъ отдѣляются съ помощью сита, а малыхъ—силою собственного неодинакового вѣса въ водѣ.

Наряду съ механическимъ анализомъ почвы, важное мѣсто занимаетъ химический анализъ. Содержание въ ней известковыхъ соединеній, органическихъ веществъ, поташа, фосфорной кислоты—производятъ большое вліяніе на ея плодородіе. Однако, абсолютное определеніе содержания въ почвѣ этихъ тѣль далеко не всегда еще показываетъ истинную степень ея плодородія. Известковые голышы не отдаютъ такъ же легко свою известость растеніямъ, какъ дѣлаетъ это углекислая известость, тонко разсыпанная въ почвѣ, и въ первомъ случаѣ земля, покрытая известковыми остатками, можетъ быть, всетаки, бѣдна известостью. Поташъ и фосфорная кислота могутъ оказаться связанными, разложение которыхъ происходитъ лишь вслѣдствіе. Далѣе, въ почвѣ можетъ оказаться недостаточ-

Монастырь Св. Тихона (въ Новгородской губ.). Ориг. рис. Волковского, грав. И. Матюшинъ.

чество веществъ развивающихъ азотъ, необходимыхъ для растительности. Определеніе количества всѣхъ этихъ веществъ и условій нахожденія ихъ въ почвѣ, въ высшей степени важное для успѣховъ земледѣлія, составляетъ задачу химического анализа, соединенного съ большими трудностями и требующаго немалой опытности, въ особенности потому, что приходится имѣть дѣло съ весьма малыми количествами искомыхъ веществъ.

Коль скоро почва оказывается содержащей меныше 30 % песку, она перестаетъ принадлежать къ разряду удобныхъ для обработки, но можетъ быть годна для иныхъ цѣлей. Если въ ней преобладаетъ углекислая извѣстъ—изъ нея можетъ быть добываема извѣстъ въ такомъ случаѣ. При преобладаніи глины, она можетъ быть употребляема для выѣлки кирпичей, для горшечнаго дѣла, и т. д., смотря по веществу, содержащемуся въ ней въ наибольшемъ количествѣ.

Вода въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ, никогда не бываетъ чиста, воспринимая въ себя, въ своемъ теченіи, самыя разнообразныя вещества. Изслѣдованіе и определеніе послѣднихъ представляетъ большой интересъ. Отъ ихъ присутствія, отсутствія и относительного количества зависитъ разнообразное назначеніе, получаемое этою жидкостью. Относительная чистота воды желательна для домашнаго употребленія, для паровиковъ. Совсѣмъ иная свойства требуются отъ воды, употребляемой для орошенія, важнѣйшей земледѣльческой операциіи. Соляные, илистые, органическія вещества, содержащіяся въ ней въ умѣренныхъ количествахъ, нетолько не вредны, но напротивъ, приобрѣтаютъ большое значеніе для развитія растеній. Такимъ образомъ, воды обыкновенно дѣлятся на три разряда: мягкая, минеральная и морская. Къ этимъ разрядамъ Пелиго, авторъ прекрасной книги по интересующему насъ вопросу, присоединяетъ четвертый—остаточная вода, получающаяся изъ городскихъ сточныхъ трубъ и побывавшая уже въ какомъ-либо промышленномъ употребленіи.

Не менѣе интересно изслѣдованіе воды, идущей для промышленныхъ цѣлей. Часто необходимо определить при этомъ содержаніе въ ней извести, органическихъ матерій. О важности этого можно судить по тому, что, по вычисленію, употребленіе сенской воды въ Парижѣ влечетъ за собою ежегодную потерю мыла на 5—6 миллионовъ франковъ, вслѣдствіе свертыванія мыла отъ большого количества извести, содержащейся въ водѣ рѣки Сены.

Всякая пахатная земля, каковъ бы ни былъ способъ ея обработки, истощается, если извлекая ея продукты, не вводить въ нее плодоносныхъ веществъ. Послѣднее достигается удобрениемъ, торговля которымъ приняла юнѣ весьма широкіе размѣры. Предметъ ея составляютъ остатки выжатыхъ сѣяній, высушенная кровь, животные остатки, фосфорноизвестковая соли, аммиачная соли, золы,—вещества, идущія въ настоящее время въ огромныхъ количествахъ для удобренія почвы. Важнѣйшая составная части удобренія—азотъ и фосфоръ. Количество ихъ опредѣляется тою же аналитической химіей.

Минеральныя вещества передаются растеніямъ черезъ посредство воды и необходимы для ихъ развитія. Они именно составляютъ золу, оставляемую каждымъ растеніемъ, по сожженіи его органическихъ составныхъ частей. Изслѣдованіе золы даетъ понятіе о тѣхъ тѣлахъ, которыя обеспечиваютъ почвѣ степень ея плодородія и которая должны быть также вводимы въ нее, путемъ удобренія. Отсюда—большая важность анализа растительной золы для цѣлей земледѣлія.

Словомъ, наука рука объ руку съ опытомъ можетъ оказать нынѣ большія услуги земледѣлію. Остается пожелать возможно широкаго распространенія вліянія ея и на эту отрасль промышленности. Здравыя естественно-историческія и въ частности химическія познанія необходимы для земледѣльца, находящагося лицомъ къ лицу съ природой, составляющей ихъ предметъ. И это въ особенности въ странѣ попреимуществу земледѣльческой, каково наше отчество.

Во время бала.

Песн. Е. М. М—ой.

Я помню: звуки чудные лились
И вальса нѣжная мелодія звучала.
Ее не слушалъ я. Мечты мои неслись
Куда-то вдалъ отъ суетнаго бала.

* *

Вотъ старый садъ... Столѣтнія деревья
Слегка волнуются дыханьемъ вѣтерка
И, тѣни ихъ волной своей колебля,
Струится весело знакомая рѣка.

* *

Днемъ солнце яркое сіетъ безмятежно
И почюю робкій свѣтъ на землю льетъ луна...

Песнь соловья звучитъ такъ чудно, нѣжно...
О, это ты, родная сторона!

* *

Мнѣ все знакомо здѣсь: и тихій плескъ волны,
И соловья задумчивыя трели,
И этотъ матовый, стыдливый свѣтъ луны,
Который я любилъ отъ колыбели...

* *

Какъ чудно, хорошо въ моей странѣ родной!..
.....Но пелена мечтаній съ глазъ упала.
По прежнему неслися пары предо мной
И вальса нѣжная мелодія звучала...

К. М—скій.

Къ рисункамъ.

Открытие ярмарки въ средніе вѣка въ Антверпенѣ.

(Рис. на стр. 948 и 949).

Очень живописную сцену изъ прошлаго Антверпена представляетъ прекрасная картина ванъ-деръ Одераа. Картина переносить насъ въ то могущественное и цвѣтущее время Антверпена, когда въ стѣнахъ этого промышленнаго города 200,000 жителей вели спокойную жизнь, когда на широкой Шельдѣ нерѣдко стояло по 250 торговыхъ кораблей всѣхъ націй и когда три его ярмарки посѣщались торговцами всего міра. Тогда въ 15 и 16 вѣкѣ открытие ярмарки сопровождалось такой церемоніей, какую изображаетъ картина. Въ понедѣльникъ, въ 9½ ч. утра, маркграфъ „Антверпенского маркизата“ съ длиннымъ жезломъ—знакомъ его достоинства, какъ начальника юстиціи, бургомистры, судьи и члены ратуши, всѣ въ праздничныхъ нарядахъ, направлялись къ старинному дому названному „De Maagd van Antwerpēn“ (антверпенская дева), гдѣ ихъ ждала подъ штурмурнымъ балдахиномъ, въ королевскомъ одѣяніи, прекрасная девушка. Въ силу письменныхъ привилегій, такая девушка однимъ изъ младшихъ совѣтниковъ ратуши выбиралась изъ дочерей гражданъ города и должна была подъ видомъ „Maagd Antwerpēn“ служить представительницей богатаго общества города, принимать чествование властей и взамѣнъ того врученіемъ букета изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ, этимъ символическимъ даромъ, подтверждать стария привилегіи города. Когда же доходила очередь отдать честь девушки упомянутымъ младшимъ совѣтникомъ ратуши, то, одѣтый въ превосходный плащъ, выданный изъ магистрата, онъ подходилъ къ ней и подавалъ серебряную тарелку съ конфектами, взамѣнъ чего получалъ отъ нея символический букетъ розъ. За этотъ букетъ онъ имѣлъ право, даже быть обязанъ, обнять девушки и поцѣлововать ее. Это служило выраженіемъ благодарности всѣхъ властей города.

Баба-Яга.

(Рисун. на стр. 953).

Нигдѣ народъ не проявляетъ такъ всю ширь, всю плодовитость своей фантазіи, какъ въ своихъ сказкахъ; здѣсь является у него тысяча то таинственныхъ, то страшныхъ образовъ; всѣ силы природы принимаютъ живую человѣческую форму и даже животные выказываютъ самое близкое и сочувственное участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка. Послѣднія получаютъ въ сказкахъ даръ слова и каждое изъ нихъ говоритъ особымъ языкомъ, выражаетъ особый характеръ. Здѣсь они являются часто заступниками человѣка, его покровителями противъ цѣлаго полчища вѣдьмъ, колдуновъ и другихъ проявлений адской, нечистой силы. По вѣрованіямъ народа, этими злыми существами населена вся окружающая его природа; ими кишитъ лѣсъ, ими полны горные пещеры, въ ихъ власти находятся рѣки и моря, и даже самый маленький ручеекъ служитъ мѣстомъ обитанія какого нибудь духа. Для нашего простолюдина лѣсъ страшенъ по преимуществу; здѣсь, на каждомъ шагу, онъ видитъ слѣды нечистой силы; то ему кажется лѣшій, то русалка увлекаетъ его въ лѣсную тѣнь или озеро, то бѣсъ водитъ его кругомъ и около, не пуская на настоящую дорогу, то онъ наѣкается на таинственную избушку — жилище безпощадной и злой Бабы-Яги.

Образъ Бабы-Яги—Костяной ноги, живѣе всего сохранился въ нашихъ сказкахъ. Въ нихъ разсказывается, что она живеть въ лѣсу, въ маленькой избушкѣ, построенной на „куриной ножкѣ“, на пѣтушьей головкѣ“ и поворачивающейся во всѣ стороны по слову своей страшной хозяйки или какого нибудь сказочнаго героя-богатыря. Зaborъ вокругъ избушки Бабы-Яги сдѣланъ изъ человѣческихъ костей и украшенъ людскими черепами со свѣтившимися глазами. Вместо вереи у воротъ служить человѣчья нога, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми,

оскаленными зубами. Если Баба-Яга выезжает изъ своего жилища, то всегда, во всѣхъ доспѣахъ вѣдьмы; она мчится тогда по лѣсу въ желѣзной ступѣ и съ желѣзнымъ же пестомъ въ руки, а иногда съ метлой, которою она заметаетъ свой слѣдъ. Лишь только она показывается на свѣтѣ Божій, то поднимается страшная кутерьма во всей природѣ; по лѣсу идетъ ужающая шумъ, деревья трещатъ, сухие листья хрустятъ и т. д. У малороссовъ—Баба-Яга извѣстна подъ именемъ Бабы-Химы, т. е. Афимы, и считается гораздо могущественнѣе и сильнѣе нашей Бабы-Яги; Баба-Хима даже наводитъ ужасъ на все царство сатаны и чтобы только отъ нея отѣлаться, лѣшие безусловно выполняютъ всѣ ея приказанія. Одна изъ характеристичныхъ чертъ Бабы-Яги—это ея особая, гастрономическая наклонность къ человѣческому мясу; въ сказкахъ она постоянно воруетъ дѣти и пожираетъ ихъ, обжаривая сначала въ печи. Послѣ такого сытнаго блюда, она обыкновенно, по словамъ сказокъ, лежитъ въ своей избушкѣ „изъ угла въ уголь, нось въ потолокъ или черезъ грядку“ и ждетъ, не появится ли новая добыча для ея кровожаднаго обжорства. Въ сказкахъ чаще всего этой добычей являются дѣти; ихъ приводятъ къ ней преимущественно мачихи или злые родственники; но дѣти рѣдко попадаютъ въ печку вѣдьмы; народная фантазія, тѣсно связанныя съ идеей добра и справедливости, большую частью спасаетъ ихъ, и какаянибудь благодѣтельная мышка или честный котъ научаютъ ихъ какъ спастись изъ когтей Бабы-Яги. На нашемъ рисункѣ представлена сцена, схваченная изъ цѣлаго цикла сказокъ о Бабѣ-Ягѣ. Въ глубинѣ лѣса видна сама страшная вѣдьма, только что возвращающаяся изъ своего воздушного путешествія; подъ нею желѣзная ступа, а въ рукахъ громадный пестъ. Она только еще осматривается и чувствуетъ, что около ея жилища кто-то есть; что здѣсь пахнетъ, какъ говорится въ сказкахъ, „русскимъ духомъ“. И ея тонкое обоняніе ее не обманываетъ; дѣйствительно, въ тѣни куста, ни живы, ни мертвы, прижались двое дѣтей; они вѣрно брошены сюда, и теперь, въ ужасѣ, прислушиваются къ проклятіямъ злой вѣдьмы и съ замираніемъ сердца ждутъ своей участіи.

Баранчанскій чугуноплавильный заводъ въ Пермской губерніи.

(Рис. на стр. 956).

Въ началѣ XVIII вѣка, по восточному скату Уральского хребта, въ предѣлахъ нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда, жили почти исключительно дикие Богулы, занимавшіеся лишь охотой и рыболовствомъ. Въ 1730 году одинъ изъ этихъ дикарей, нѣкто Степанъ Чумпинъ, превосходно знающій мѣстность, явился въ Екатеринбургъ и открылъ тамошнему горному начальству, что въ окрестностяхъ ихъ улусовъ находятся богатыя залежи желѣзной руды, никому неизвѣстныя кромѣ его земляковъ. Такъ была открыта гора „Большая Благодать“, служащая и до сихъ порть главнымъ источникомъ для всего горнаго производства гороблагодатскаго округа. Въ 1735 году, вслѣдствіе этого открытия, былъ построенъ первый чугуноплавильный заводъ въ трехъ верстахъ отъ рудника, при самой подошвѣ горы Благодати, на берегу рѣки Кушвы и названъ Кушвинскимъ. Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1739 году, построенъ былъ другой заводъ на р. Турѣ—Туринскій, а затѣмъ въ 1743 году возникъ третій заводъ при владеніи рѣчки Окта въ Баранчу, въ 14 верстахъ отъ Кушвинскаго и названъ былъ Баранчанскимъ. Въ 1753 году было открыто другое богатое мѣсторожденіе желѣзной руды въ горѣ, получившей название Малой Благодати, а въ 1751 году всѣ гороблагодатскіе заводы были отданы въ частное содержаніе графу Шувалову. Но въ управление сего послѣдняго заводы пришли въ совершенный упадокъ и потому казна принуждена была взять ихъ снова въ свое владѣніе и поручить главное завѣдываніе ими Горному Управленію. Только съ этого времени заводы начали получать належашее устройство какъ по технической, такъ и по хозяйственной части. Первымъ начальникомъ гороблагодатскихъ заводовъ былъ Дерябинъ, оставившій по себѣ добрую память. Онъ первый усовершенствовалъ заводское производство, умножилъ выплавку и выдѣлку металловъ и разныхъ заводскихъ издѣлій.

Нынѣ уральскіе горные заводы образуютъ шесть округовъ: Екатеринбургскій, Златоустовскій, Гороблагодатскій, Богословскій, Пермскій и Камсковоткинскій, въ которыхъ насчитывается 16 заводовъ и одна оружейная фабрика. Изъ этихъ заводовъ четыре приготовляютъ чугунъ; шесть выдѣлываютъ желѣзо; три выплавливаютъ чугунъ, а частью занимаются и выдѣлкою же лѣза и три мѣдноплавильные. Сталь приготовляется на пяти заводахъ, а также на златоустовской оружейной фабрикѣ.

Баранчанскій чугуноплавильный и литейный заводъ считается нынѣ однимъ изъ значительныхъ заводовъ Гороблагодатскаго округа. Въ заводѣ устроены двѣ доменные печи для выплавки чугуна и чугунныхъ припасовъ и шесть ваграночныхъ печей для отливки артиллерійскихъ снарядовъ. Въ зданіи завода помѣщается православная церковь и единовѣрческая часовня; заводская контора, больница, школа и провіантскій магазинъ.

Рабочіе на лѣсныхъ плотахъ.

(Рис. на стр. 957).

Если дѣлить работы на здоровыя и нездоровыя, то работа лѣсная—рубка лѣсу, пилка, сгонъ плотовъ на рѣкѣ—должны быть отнесены къ самымъ здоровымъ: человѣкъ вѣчно на воздухѣ,ышетъ чуднымъ вѣнцемъ лѣсовъ, вдыхаетъ въ себя свѣжий, смолистый запахъ дерева. Затѣмъ вязка и гонка большихъ плотовъ по быстрой рѣкѣ—лѣсы сваливаются на берегу, на бичевникахъ, на пристаняхъ и вотъ, пошабашивъ отъ своихъ трудовъ, рабочіе садятся за незатѣмливый обѣдъ. Каждой аппетитъ развивается на этомъ свѣжемъ воздухѣ, послѣ такой возни, какой здоровый и крѣпкій соцѣ! Осѣнившіи истово крестомъ широкую грудь, садятся рабочіе и молча принимаются за свои ложки. Шутки и болтовня за обѣдомъ не водятся, не приняты. Старшіе подаютъ въ этомъ примѣрѣ молодымъ. Рисунокъ нашего художника изображаетъ именно такой обѣдъ рабочихъ на плотахъ.

Родина святителя Тихона.

(Рис. на стр. 961 и 964).

13-го августа текущаго года исполнилось ровно сто лѣтъ какъ опочилъ святитель Задонскій Тихонъ, причтенный въ 1861 году церковью къ лицу святыхъ.

По случаю его столѣтнаго юбилея своевременно будетъ остановить свое вниманіе на его родинѣ и на тѣхъ памятникахъ, которые тамъ находятся и напоминаютъ о Святителѣ.

Родиною святителя Тихона было село Короцко, расположеннное на берегу Короцкаго озера, на высотахъ горъ Валдайскихъ, въ 5 верстахъ отъ города Валдая. Онъ родился въ 1724 году и при крещеніи былъ названъ Тимофеемъ. Отецъ его былъ кроцкой дѣячекъ Савва Кирилловичъ, которого онъ лишился въ младенчествѣ и кромѣ него на попеченіе старшаго брата его Ефима, занявшаго мѣсто отца, остались: мать, три брата и две сестры. Горькая доля выпала на долю Тимофея: многочисленность семейства и бѣдность Короцкаго прихода доводили часто семью до того, что не было дневнаго пропитанія, и Тимофеи нанимался къ богатому крестьянину деревни Бора боронить пашню. 14 лѣтъ онъ былъ отвезенъ въ Новгородъ, въ 1738 г., и поступилъ, съ фамилиею Соколовъ, сначала въ духовную славянскую школу, а затѣмъ и въ духовную семинарію, где и окончилъ курсъ наукъ въ 1754 году. По склонности къ иноческой жизни, Соколовъ принялъ санъ монашества и названъ Тихономъ. Онъ быстро проходилъ низшія іерархическія степени и въ 1761 году былъ возведенъ въ санъ епископа Кексгольмскаго и Ладожскаго, викарія Новгородской епархіи. По волѣ императрицы Екатерины II, онъ въ 1763 году получилъ въ управлѣніе Воронежскую паству. Его безпрерывные труды по управлѣнію епархіею, заботливость о правильности богослуженія, учрежденіе духовныхъ школъ, искорененіе суевѣрійныхъ обычаевъ въ народѣ, а главное—его, высокія превосходныя проповѣди, прославили пастырское служеніе святителя; но вслѣдствіе болѣзни онъ неоднократно ходатайствовалъ объ увольненіи своему отъ управлѣнія епархіею и былъ уволенъ императрицею Екатериной II въ 1767 году, съ правомъ поселиться въ какомъ угодно монастырѣ Воронежской епархіи.

Задонскій Богородицкій монастырь, стоящій на высокомъ берегу рѣки Дона, остановилъ на себѣ вниманіе святителя. Въ немъ онъ окончательно поселился и пробылъ въ строгихъ подвигахъ иноческихъ до самой своей блаженной кончины, послѣдовавшей 13-го августа 1733 года на 59 году отъ рождения.

Въ настоящее время на родинѣ святителя уцѣлѣлъ еще тотъ древній храмъ, въ которомъ онъ былъ крещенъ, где онъ молился, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, у могилы своего отца, на которой слезно молился и горько плакалъ вмѣстѣ съ своею матерью, братьями и сестрами своими, подъ гнетомъ крайней нищеты...

Упоминаемый храмъ, въ честь св. Николая (внутренность коего изображена на нашемъ рисункѣ) срубленъ изъ сосноваго лѣса и ко времени построенія можетъ быть отнесенъ къ XVII вѣку; снаружи оббитъ тесомъ; имѣеть одну главу и маленькія, почти волоковыя окна. Простота внѣшняя вполнѣ гармонируетъ съ простотою храма внутреннею: полъ неокрашенный, стѣны бревенчатыя; иконостасъ трехъярусный съ иконами, по свойству письма относящимися къ XVII вѣку. Передъ мѣстными иконами Спасителя и Богоматери и въ алтарѣ, за престоломъ, точеные деревянные подсвѣчники. Въ нѣсколькоихъ саженяхъ отъ церкви могила отца Св. Тихона, Саввы Кирилловича, его дѣда, кроцкаго причтника Кирилла, его жены Гликерии и ихъ родныхъ. Мѣсто ихъ погребенія обнесено простою деревянною рѣшеткою; въ срединѣ кирпичная гробница и обелискъ, увѣнчанный крестомъ; въ срединѣ обелиска, въ углубленіи,—икона св. Тихона съ лампадою и подъ иконою на жестяной доскѣ—слѣдующая надпись: „Здѣсь погребены рабы Божіи: Савва и Домнія, родители св. Тихона. Господи упокой ихъ въ Своемъ царствіи“.

Въ рядомъ стоящей каменной Покровской церкви хранится памятникъ рода св. Тихона, писанный рукою его отца Саввы Кирилловича.

Въ одной не болѣе верстѣ отъ Короцкой церкви, на берегу того-же Короцкаго озера живописно раскинулся Короцкой дѣвичій общежительный монастырь во имя св. Тихона (рис. на стр. 961). Въ 1861 г., сряду по прославленію св. Тихона, была основана въ честь его сначала жѣнская община, а затѣмъ она 28-го февраля 1881 года была переименована въ монастырь. Въ обители прекрасный двухъ-престольный храмъ, въ которомъ служатъ предметами благоговѣнія часть мощей святителя Тихона, портретъ, снятый съ св. Тихона во время управления имъ Воронежскою паствою и келейная икона святителя Распятія Господа, про-

славленная видѣніемъ, бывшимъ отъ нея Тихону въ 1770 г. Кромѣ этого въ храмѣ находятся частицы многихъ мощей святыхъ и собственноручное письмо св. Тихона, писанное имъ въ Воронежѣ въ 1765 году.

Обитель содержитъ въ чрезвычайномъ порядкѣ. Обители принаследжатъ воды Короцкаго озера и земли свыше 2,000 десятинъ.

Вотъ какіе священные памятники остались на родинѣ св. Тихона, а народная преданія о его смиреніи, кротости, благочестіи и бѣдности передаются изъ рода въ родъ и дойдутъ до отдаленного потомства...

Политическое обозрѣніе.

Сербія.—Австрія.—Галиційскій сеймъ.—Румынія.—Болгарія.—Германія.—Король Альфонсъ въ Парижѣ.—Англія.—„Національная лига“ въ Ирландіи.—Шарнель и его умѣренная партія.—Египетъ.—Англійскія завладѣнія въ Азіи, Австраліи и Африки.

Въ Сербіи только что закончились выборы въ скупщину; большинство новыхъ депутатовъ принадлежитъ къ партіи, враждебной кабинету Пирочанаца, и вслѣдствіе того нынѣшнее ми-

нимъ еще подданнымъ Турціи, отъ которой ихъ освободила Россія; повидимому, Россіи придется имъ напомнить о томъ, что для нихъ сдѣлано...

Мы уже говорили о соціально-экономическихъ проектахъ князя Бисмарка; „Сѣверо-Германскія Газета“, въ виду распространившихся въ печати слуховъ, будто онъ не желаетъ давать хода своимъ проектамъ, заявила недавно, что князь Бисмаркъ

Внутренний видъ храма Св. Николая, гдѣ крещенъ Св. Тихонъ (Новг. губ., близъ Валдая). Рис. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

нистерство подаетъ въ отставку; неопредѣленность положенія усиливается еще тѣмъ, что восторжествовала группа такъ называемыхъ „радикаловъ“ (!), изъ среды которыхъ министерство сформировать не является никакой возможности; группа эта не желаетъ входить въ соглашеніе ни съ правительственной партіей, ни съ партіей національной, руководимой Ристичемъ; предполагаютъ, однако, что король поручить составить смѣшанное министерство.

Галиційскій сеймъ открылъ свою сессію—преобладаютъ, конечно, поляки; русины, по прежнему, въ значительномъ меньшинствѣ; не только нѣмецкія, но даже и польскія газеты, между прочимъ „Край“, высказываются противъ польскихъ притесненій русинъ, у которыхъ, къ тому же, нѣтъ и вождей, умѣющихъ отстаивать интересы загнанного народа. Румынія все болѣе и болѣе сходится съ Австріей—румынскій первый министръ, Братяно, пріѣхалъ въ Вѣну для переговоровъ съ графомъ Кальноки. Руководители Болгаріи также сближаются съ Австріей—такъ что политика нашихъ соперниковъ на Балканскомъ полуостровѣ сдѣлала большия успѣхи, благодаря и князю Александру, и ближайшимъ его совѣтникамъ—недав-

не отказался отъ предположенія организаціи рабочихъ артелей и только по болѣзни не могъ дать ему надлежащаго движенія; офиціозный берлинскій органъ при этомъ передаетъ, что князь Бисмаркъ даже обусловилъ свое дальнѣйшее участіе въ дѣлахъ внутренняго управления Германской имперіи принятіемъ его плана цеховъ, которые будутъ имѣть значеніе какъ бы основанія для закона о страховaniі рабочихъ.

Императоръ Вильгельмъ назначилъ короля Альфонса шефомъ шлезвигъ-голштинскаго уланскаго полка, находящагося въ Страсбургскомъ гарнизонѣ; на обратномъ пути, король, согласно предположенному плану, пріѣзжалъ въ Парижъ; часть распущеной парижской сволочи не нашла сдѣлать ничего лучшаго, какъ встрѣтить царственнаго гостя своего отечества свистками; президентъ Грэви,—встрѣчавшій короля на станціи,—немедленно же вновь поѣхалъ къ его величеству и извинился предъ нимъ отъ имени Франціи, пригласивъ на данный въ его честь въ Елисейскомъ дворцѣ банкетъ, на что король изъявилъ свое согласіе. Въ Испаніи національное чувство было сильно возмущено омерзительной выходкой парижскихъ негодяевъ и печать заговорила въ грозномъ тонѣ, но—извиненія Грэви, а

также заявленія серезной части „французской прессы“ удовлетворили испанцевъ; въ Мадридѣ народъ сдѣлалъ демонстрацію, лестную для Германіи: собравшись у дома посланника, онъ провозглашалъ виваты въ честь „германского полковника“ (мы выше говорили, что король назначенъ шефомъ одного изъ германскихъ полковъ) и въ честь Германіи.

Въ Англіи очень заняты ирландской „национальной лигой“, образовавшейся изъ прежней земельной лиги; съ нѣкотораго времени она, повидимому, готовится къ активной рѣчи и устраиваетъ митинги; правительство запретило митингъ въ Мильтонъ-Малбайѣ, въ графствѣ Кларѣ, а сторонники оранжистской партии помѣщали Парнеллю говорить въ Тиронѣ, на митингѣ, созванномъ тамъ; вокругъ него группируются всѣ благоразумные ирландцы. Изъ Лондона пишутъ: „Вопросу о второмъ Суэзскомъ каналѣ, какъ видно, не суждено заглохнуть. Онъ какъ будто притихъ послѣ закрытия парламента, но въ настоящую минуту вражда англійскихъ арматоровъ и капиталистовъ противъ компаніи Лессепса разразились съ новою силою. Поводъ къ этому приливу непріязни подалъ докладъ, присланный британскому адмиралтейству однимъ англійскимъ морскимъ офицеромъ, доказывающимъ полнѣшую невозможность довѣрить завѣдываніе каналами (если построится второй) французскому обществу, взимающему неимовѣрно высокія лоцманскія пошлины, нерасполагающему достаточнымъ штатомъ техниковъ и лоцмановъ и отказывающему Англіи въ правѣ участія въ завѣдываніи предпріятіемъ, тогда какъ по Суэзскому каналу провозится ежегодно на однихъ англійскихъ судахъ около шести миллионовъ тоннъ разнородного товара. Гладстонъ далъ слово ничего не начинать до предстоящаго созыва парламента и обращался къ арматарамъ съ совѣтомъ воспользоваться временемъ вакацій для вступленія въ соглашеніе съ компаніею Лессепса, помимо официального вмѣшательства въ суэзскій вопросъ. Нынѣ же

газета „Times“, въ роли отголоска высшихъ банкирскихъ сферъ, заявляетъ, что никакія сдѣлки не могутъ имѣть мѣста и настоятельно требуетъ безотлагательного устройства втораго Суэзскаго канала подъ непосредственнымъ контролемъ Англіи. Такимъ образомъ должно ожидать, что пререканія между англійскими арматорами и капиталистами, съ одной стороны, и компаніею Лессепса, съ другой, возобновятся съ новою силою“.

Англичане уже откровенно говорятъ, что въ настоящую минуту и слова не можетъ быть о возвращеніи ихъ войскъ изъ Египта, присовокупляя, что Англія не ожидаетъ для себя никакихъ выгодъ (?), но оказала Европѣ большую услугу, прекративъ своимъ вмѣшательствомъ конецъ вторженіямъ Турціи въ дѣло египетскаго управления. Англія, конечно, всюду является благодѣтелемъ Европы и ее человѣчества. Для общаго блага, вѣроятно, послѣдуетъ и присоединеніе Новой-Гвинеи; лордъ Дерби официально отказался отъ этого, но—оказывается, что придумана слѣдующая комбинація: въ южную часть Новой-Гвинеи отправляется изъ Австраліи „частная экспедиція“, хорошо вооруженная, съ цѣлью основанія тамъ колоніи, послѣ чего и испросить у метрополіи грамоту на владѣнія; грамота эта дается и затѣмъ начнется постепенное завладѣніе всей территории и присоединеніе ея къ Англіи.—Мало по малу присоединить и Белуджистанъ съ городомъ Кветтої, къ которому проведена и желѣзная дорога. Въ западной Африкѣ, куда нѣкоторое время назадъ отправилась экспедиція Стэнли, также увеличиваются владѣнія Англіи: сэръ Гольдсмитъ, въ качествѣ англійского комисара, получилъ изъ Лондона предписаніе приобрѣсть для Англіи всѣ терроріи и станціи, уступленные въ пользу Стэнли по его актамъ и договорамъ съ туземными африканскими королями и предводителями различныхъ племенъ, группирующихся по верхнему течению Конго.

Рамы для преміи „Нивы“ 1883 года.

По примѣру прежнихъ лѣтъ и вслѣдствіе выраженаго желанія весьма многихъ нашихъ подписчиковъ, мы заказали нѣсколько тысячъ рамъ въ Русско-Американской багетной и рамочной фабрикѣ г. Ч. Гофмана для преміи „Нивы“ 1883 года

„КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ“.

Черно-лакированный багетъ этихъ рамъ, съ весьма красивымъ лѣпнымъ украшеніемъ и золоченою полосой, имѣетъ ширины въ диаметрѣ $2\frac{1}{4}$ вершк., а по лицевой сторонѣ $2\frac{7}{8}$ вершк. (рисунокъ угла изображенъ тутъ же), а вся рама имѣетъ вышины 1 арш. $6\frac{1}{4}$ вершк. и ширины 1 арш. $1\frac{5}{8}$ вершка.

Эта рама сдѣлана во всѣхъ отношеніяхъ изящно, очень красива и со вставленною картиною „Король-женихъ“, смѣло можетъ служить прекраснымъ украшеніемъ любой гостиной.

Только при такомъ громадномъ заказѣ, мы имѣемъ возможность эту раму, со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамокъ, наклеенnoю на полотно картиною, т. е. совершенно готовою для помѣщенія на стѣнѣ, предложить за 5 рублей.

Уголъ рамки для преміи уменьшенъ на половину.

родные, желающіе пріобрѣсти такую раму уже составленною и готовою, могутъ ее получить въ большомъ ящикѣ только за 15 рублей, по дорожевизнѣ почтовой пересылки.

Такъ какъ надъ этимъ заказомъ работаютъ съ начала настоящаго года и большая часть его уже исполнена, то гг. С.-Петербургскіе городскіе подписчики, желающіе пріобрѣсти картину вставленною въ такую раму — могутъ получить ее уже теперь изъ конторы редакціи журнала „Нива“.

Гг. иногородные подписчики, желающіе выписать эту раму для преміи, могутъ пріобрѣсти таковую въ четырехъ кускахъ — которые составляются на мѣстѣ прочнымъ и удобнымъ способомъ, безъ помощи столяра — съ тщательной укупоркой въ ящики и пересылкой за 9 рублей. Гг. иногородные подписчики, желающіе выписать эту раму для преміи, могутъ пріобрѣсти таковую въ четырехъ кускахъ — которые составляются на мѣстѣ прочнымъ и удобнымъ способомъ, безъ помощи столяра — съ тщательной укупоркой въ ящики и пересылкой за 9 рублей. Гг. иногородные подписчики, желающіе выписать эту раму для преміи, могутъ пріобрѣсти таковую въ четырехъ кускахъ — которые составляются на мѣстѣ прочнымъ и удобнымъ способомъ, безъ помощи столяра — съ тщательной укупоркой въ ящики и пересылкой за 9 рублей.

С мѣс.

сывается деревня, типы народные—все это напоминает местность, природу и типы его родной губернии. Виду высокого интереса, какой имелъ все сохранившееся послѣ умершаго писателя въ его домѣ и усадьбѣ, издателемъ „Нивы“ приглашенъ былъ фотографъ, который, въ сопровождении Е. М. Гаршина (родного брата автора повѣсти, сотрудника „Отеч. Зап.“),ѣздилъ въ Спасское. Г. Гаршинъ былъ лично знакомъ съ покойнымъ писателемъ и гостили у него въ Спасскомъ его домѣ. Фотографіи, весьма удавшіяся, очень интересны. Рисунки уже находятся въ работѣ и будутъ помѣщены въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Нивы“; они изображаютъ видъ дома въ Спасскомъ, внутренний видъ кабинета и библиотеки И. С., семейный склепъ семьи Тургеневыхъ, часовню въ память Императора Александра II и школу, построенную имъ, часть рощи около дома и т. п. Подробная описанія дома и жизни въ немъ возстановляются, какъ живой, симпатичный, прекрасный образъ нашего знаменитаго писателя и въ первый разъ появляются въ русской печати.

Германскій писатель о Тургеневѣ. Изъ статьи известнаго французскаго критика Людвига Пича, близко знавшаго Тургенева, заимствуемъ мы слѣдующія строки, рисующія время пребыванія Тургенева въ Баденъ-Баденѣ съ 1867 по 1870 годъ.

„Это были для него плодотворные годы, пишетъ Пичъ. Я, можно такъ сказать, присутствовалъ въ его поэтической мастерской. Я видѣлъ какъ возникали, какъ бы развивались изъ зародыша, все болѣе опредѣлялись изъ подъ тусклаго свѣта, многія написанныя имъ въ Баденѣ повѣсти. Его манера создавать была такъ же своеобразна, какъ все его существо. Ему досталось счастіе, какимъ пользуются немногіе,—трудиться не для заработка. Теоретически онъ поклонялся лѣни. Онъ принимался за перо побуждаемый внутренней поэтической энергической силой творчества, независимой отъ его воли. Дни и недѣли онъ могъ противиться этому влечению, но совершенно освободиться отъ него не могъ. Образы, явившіеся въ его воображеніи, возбужденные личнымъ ли опытомъ или наблюденіемъ, или прішедшіе на память неизвѣстно какъ и откуда, осаждали и тѣснили его все болѣе и болѣе, такъ что онъ принужденъ былъ рисовать ихъ такъ, какъ они ему являлись, и записывать то, что они говорили ему и другимъ. Часто въ часы такой вынужденной работы, я слышалъ какъ Тургеневъ ходилъ въ своей комнатѣ, точно левъ въ клѣткѣ, и взыхалъ послѣ того какъ еще утромъ за чаемъ произнесъ свое трагикомическое восклицаніе: „ахъ, сегодня я долженъ работать!“ Принявшись за работу онъ переживалъ все то, что изображалъ. Когда онъ писалъ свой грустный маленький романъ „Несчастная“, возникшій противъ его воли изъ сцены, пережитой имъ еще студентомъ, глубоко запечатленной въ его памяти, и фигуры покинутой девушки, я его видѣлъ совершенно нездоровымъ.—Что съ вами Тургеневъ? чего вамъ недостаетъ?—„Ахъ, она должна была отравиться. Ея трупъ выставленъ въ церкви въ открытомъ гробу, и по нашему русскому обычаю всѣ родственники должны цѣловаться умершую. Я видѣлъ разъ какъ прощались съ отравленнымъ. И это я долженъ былъ написать сегодня и вотъ у меня весь день испорченъ“. Это его сочувствіе, эта энергія внутренняго созерцанія замѣчается во всемъ, что онъ написалъ. Ни Флоберъ, ни Золя и ихъ школа не обладаютъ въ большей мѣрѣ этимъ драгоценнымъ даромъ реалистического творчества. Но въ одномъ Тургеневъ стоитъ выше ихъ: онъ обладалъ благороднымъ духомъ и вкусомъ, и чистотою души, которая никогда не прельщалась соблазнительными образами и которая заставляла исключать изъ его твореній, какъ бы горячо въ нихъ ни проявлялась страсть, именно тѣ элементы, на которыхъ съ нескрываемымъ удовольствиемъ останавливаются его натуралистические французскіе пріятели. Во время своего пребыванія въ Баденъ-Баденѣ, Тургеневъ прежде всего написалъ то фантастическое произведеніе, въ которомъ искали символическихъ указаний и которое было только мечтой реалиста—это „Призраки“, прекрасно переведенные Боденштедтомъ на немецкій языкъ. Уважаемый Тургеневъ присыпалъ ему на просмотръ рукопись. Никогда не забуду я того августовскаго вечера, въ который Тургеневъ, сидя у окна уютной залы Виардо, съ хозяйственной дома и мною, занялся просмотромъ перевода. Онъ, съ русскимъ оригиналомъ въ рукахъ, взвѣшивалъ каждое слово, которое я прочитывалъ изъ рукописи Боденштедта, выслушивалъ наши мнѣнія и предложенія, пока наконецъ не соглашался съ немецкимъ выражениемъ, передававшимъ точнѣе всего русскіе оттенки. Не часто удавалось ему слѣдить такъ за его немецкими переводами и переводчиками. Эти послѣдніе, не только на немецкомъ языкѣ, но и на другихъ, передавали мысли его далеко не удовлетворительно. Въ то же время Тургеневъ написалъ три французскія оперетки. Домъ г-жи Виардо считался въ Баденѣ высшей школой пѣнія, куда стекались со всѣхъ странъ молодые таланты. Г-жа Виардо заставляла своихъ ученицъ, принадлежащихъ ко всѣмъ національностямъ, пробовать свои силы въ небольшихъ драматическихъ пьесахъ, всѣ роли которыхъ, за исключеніемъ одной, двухъ, исполнялись ученицами. Для этой цѣли Тургеневъ написалъ три веселыя, фантастическія, полныя юмора оперетки или драматическія сказки: „Le dernier des sorciers“, „l’Ogre“ и „Trop de femmes“. Г-жа Виардо написала музыку и сама исполняла роль принца. Но когда не случалось никого, кто бы могъ пѣть баритонную партію, то Тургеневъ нерѣдко игралъ ее и выступалъ въ роли колдуна, папы или людоѣда, котораго дразнили восхитительные эльфы или „слишкомъ много женщинъ“ гарема и побѣждали не смотря на его исполнительній ростъ. Большой залъ нижняго этажа его виллы, въ первомъ этажѣ которой жилъ онъ, а во второмъ я, при помощи самыхъ простыхъ приспособленій былъ обращенъ въ сцену. Когда г-жа

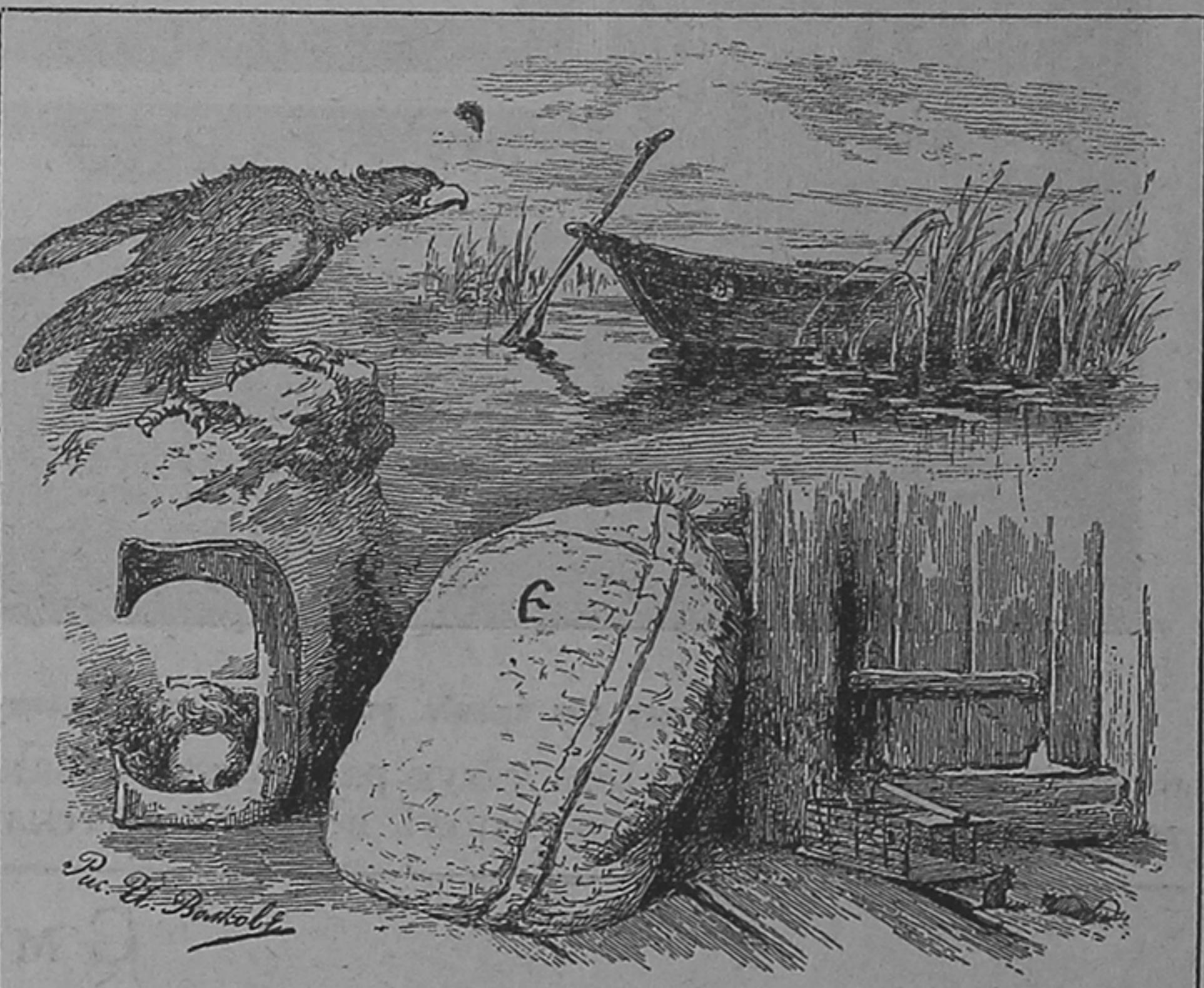
Виардо не пѣла, то она играла на фортепіано. При этихъ представленияхъ присутствовала публика, которую не часто можно видѣть въ частныхъ домахъ; въ первыхъ рядахъ кресель сидѣли король Вильгельмъ и королева Августа съ нѣсколькими избранными лицами. Высокіе гости нерѣдко послѣ представленія оставались на чашку чая и непринужденно бесѣдовали съ хозяйкой дома и ея друзьями“.

Въ Лондонѣ недавно были выставлены костюмы, предназначенные для сидѣлокъ и докторовъ на случай пользованія больныхъ заразительными болѣзнями. Костюмъ имѣетъ видъ обыкновенного непромокаемаго плаща съ рукавами и капюшономъ и сдѣланъ изъ того же материала. Будучи надѣтъ, онъ прикрываетъ все тѣло, оставляя только лицо и руки свободными. Назначеніе его состоить въ томъ, чтобы предохранить платье врача или сидѣлки отъ пропитыванія міазмами и передачи этимъ путемъ зараженія. Изобрѣтеніе имѣетъ весьма практическое значеніе, такъ какъ позволяетъ не менять платья по выходѣ отъ заразительно болѣаго или не обеззараживать его. Вымѣтъ же лицо и руки какимъ либо дезинфицирующимъ средствомъ не представляетъ большаго труда. Самый костюмъ конечно долженъ чаще дезинфицироваться.

Электрическое отопленіе. Къ электрическому освѣщенію и подъемной силѣ присоединяется теперь еще и электрическое отопленіе, при чемъ конечно для этого будетъ употребляться не непосредственно электрическая теплота, но послѣдняя будетъ служить для нагреванія воды и другихъ жидкостей. На подобный методъ отопленія, которому, по мнѣнію Сименса, предстоитъ большая будущность, Освальдъ Розе въ Манчестерѣ получилъ немецкій патентъ. Изъ описанія всѣхъ согрѣвателныхъ аппаратовъ оказывается, что изобрѣтатель намѣренъ отапливать не только жилища и вагоны, но также нагревать вальцы на хлопчато-бумажныхъ мануфактурахъ. Замѣчательно, что распределеніе и регулированіе источника тепла происходитъ очень легко; расходы стоять въ прямой зависимости отъ величины двигателя для получения тока. Въ этомъ отношеніи невшательская фирма Борель и Комп. опубликовала слѣдующія интересныя свѣдѣнія. Фирма эта старается теперь получить концессію на добываніе 10,000 лошадиныхъ силъ, которая должна дать Рейзе—горный ручей близъ Невшателья, и этой движущей силой она намѣренна снабжать преимущественно часовщиковъ въ Ла-Шо де-Фонъ (La Chaux de Fond) и Локль. По вычисленіямъ Бореля, Рейзе, въ видѣ электричества, дасть ежедневно столько тепла, сколько можетъ доставить цѣлый вагонъ каменнаго угля.

Ласточки. Часто возбуждался вопросъ, действительно ли ласточки перелетаютъ черезъ широкій океанъ. Уже Александръ Гумбольдтъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ нашихъ ласточекъ въ Южной Америкѣ на Ориноко. Новѣйшія наблюденія показали, что ласточки впрочемъ продолженіе нѣсколькихъ дней летѣли за пароходомъ и совершили не отдыхая перелетъ въ 260 морскихъ миль, что равняется 910 верстамъ. Они перелетали даже большія пространства; такъ бывали случаи, что они въ одинъ полетъ перелетали 1410 верстъ, на что пароходъ употреблялъ $3\frac{1}{2}$ дня. Предполагаютъ, что при обыкновенномъ полетѣ ласточки дѣлаютъ 120 футовъ въ секунду, что въ двѣнадцать часовъ составитъ 1512 верстъ. И такъ какъ было замѣчено, что ласточки никогда не садятся на пути даже на корабль, то въ действительности оказывается, что они пролетаютъ громадныя пространства въ одинъ полетъ, находя время ловить на пути мушекъ, идущихъ имъ въ кормъ. Сначала онѣ летятъ въ Сенегамбію, оттуда на самые крайніе острова, откуда имъ не трудно достигнуть сѣверо-запада Бразиліи. При скорости ихъ полета имъ не трудно въ нѣсколько дней перелетѣть океанъ.

РЕБУСЪ. Задача № 53.

С.-Петербургъ
Гостиный дворъ № 17 и 18

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

Москва,
Петровка, д. № 5

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:
СПРАВОЧНАЯ КНИГА

СОБРАНІЕ ТАБЛИЦЪ И ФОРМУЛЪ

ИНЖЕНЕРОВЪ, АРХИТЕКТОРОВЪ И МЕХАНИКОВЪ.

Составилъ по новѣйшимъ источникамъ инженеръ ПЕТРЪ УСОВЪ.
2 тома въ 16 д. л., каждый въ 650 стр., со многими таблицами и чертежами въ текстѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ОБА ТОМА 6 р., съ перес. 7 р.

Томъ первый вышелъ въ свѣтъ и выдается подписчикамъ.

Томъ второй оканчивается печатью и выйдетъ въ началѣ 1884 года.

По выходѣ въ свѣтъ всего сочиненія цѣна будетъ возышена до 10 р.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТОМА I: Отдѣль I. Ариометрическія табліцы. Отдѣль II. Ариометрическія правила и формулы. Отдѣль III. Геометрическія табліцы. Отдѣль IV. Формулы

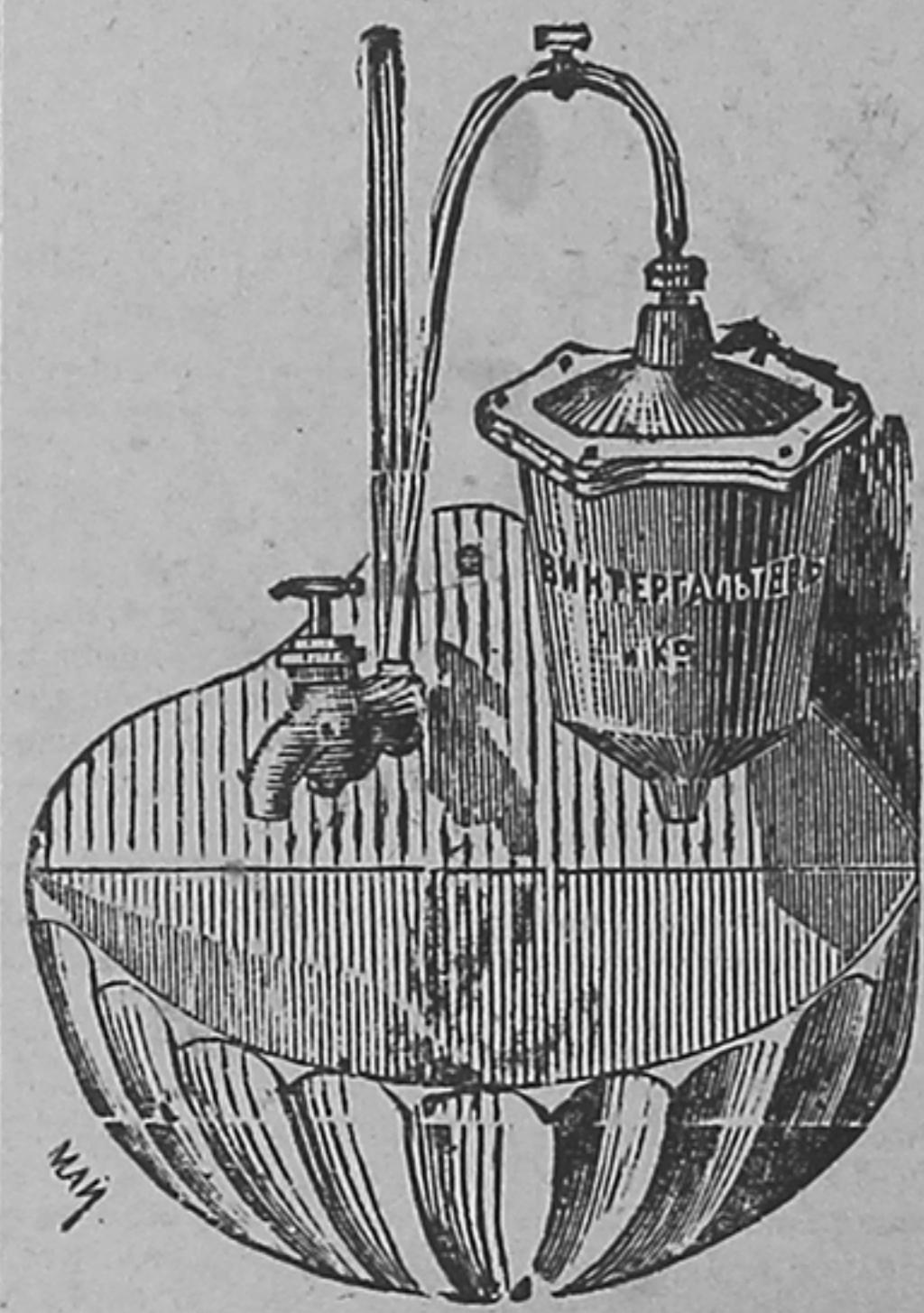
и правила теоретической геометрии. Отдѣль V. Формулы и правила практической геометрии (геодезіи). Отдѣль VI. Механика.

При составленіи этой книги авторъ имѣлъ въ виду собрать и сгруппировать въ ней всѣ безъ исключеній теоретическая и практическая свѣдѣнія, руководствоваться и

пользоваться которыми инженерамъ, архитекторамъ, механикамъ и вообще техникамъ приходится, можно сказать, почти на каждомъ шагу.

№ 2884

ФИЛЬТРЫ ДЛЯ ВОДОПРОВОДОВЪ.

ГОДОВОЙ АБОНЕМЕНТЪ 6 рублей.

УСТАНОВКА БЕЗПЛАТНО.

Въ складѣ воздушныхъ и электрич. звонковъ

ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и Комп.,
у Казанск. моста, по кан., № 12. № 2579

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА.
КОСМЕТИЧ. СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ

УТИРАЛЬНИКИ

КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употр. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, где лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; они—единственное вѣрное средство отъ веснушекъ; зимой они необходимы противъ наружныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза; также служатъ освѣжениемъ кожи, раздраженной дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр.; ихъ удобно всегда иметь при себѣ. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ подпись: „А. Энглундъ“,—красными чернилами. Пачка 60 к.; съ пересылкою не менѣе 2-хъ пачекъ 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р.—Получать можно въ „Русск. Обществѣ торгов. аптек. товар.“ Казанская ул., д. 12; въ парф. маг. у А. Рузанова, въ Гостиномъ дворѣ, по зеркальной линіи, № 40, и во всѣхъ аптекарскихъ и парф. торговляхъ. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, А. Энглундъ, Малая Итальянская, домъ № 3. № 2841 1—1

МЕБЕЛЬНАЯ

ФАБРИКА

А. ШМИТЪ.

Поставщикъ двора Его Императорскаго Величества, фабрика и магазинъ.

МОСКВА, Арбатскія ворота, соб. домъ.

Фирма существуетъ съ 1818 г.

На Всероссійской Выставкѣ 1882 года.

Высшая награда—Государствен. Гербъ.

Ц. № 2772 10—8

по случаю увеличенія тѣрьговли
ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана,
въ С.-Петербургѣ, переведено
изъ дома № 42, въ домъ № 36, по Большой
Морской ул.

Дешевая продажа скрипокъ, альто, виолончелей, контрабасовъ, смычковъ, цитръ, гитаръ, мандолинъ, струнъ, пионтировъ, корнетъ-а-пистонъ, трубъ, тромbonesъ, басовъ, флейтъ, кларнетовъ, барабановъ, штавръ, треугольниковъ, бубенъ, концертинъ, гармоній, музык. ящиковъ, шарманокъ, органовъ, фисгармоній, гармонифлютъ, всѣхъ принадлежностей и школъ для всѣхъ инструментовъ.

Иллюстрированный прейс-курантъ бесплатн. Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратн. А. № 2819 6—3

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПІАНИНО
А. В. ЭБЕРГЪ.

ПОСТАВЩИКА ДВОРА

Его Императорскаго Величества.
РОЯЛИ И ПІАНИНО НЕ УСТУПАЮТЪ
ЛУЧШИМЪ ЗАГРАНИЧН. ФІРМАМЪ.
МАГАЗИНЪ у Арбатскіхъ воротъ, д.
Шмітъ, ФАБРИКА у Горбатаго моста.

Фирма существуетъ съ 1852 года.
Ц. № 2773 10—8

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ

иллюстрированный дамскій журналъ.

Вышли №№ 1—35.

№ 36-й выйдетъ 28-го Сентября.

Подписка продолжается и гр. новые под-
писчики получать журналъ еще съ № 1-го.
Гл. Контора Редакціи (Германа Гоппе) на-
ходится по Большой Садовой ул., № 16, противъ
Гостиныхъ дворовъ, въ СПБ. Р. № 2843 1—1

НЕОБХОДИМО НАЖДОМУ!

Композиція для заливанія резиновыхъ ка-
лошъ; каждый заласаційся фланкомъ ком-
позиціи обезпечень на 10 лѣть резиновыми
калошами. Каждый можетъ безъ помоши ин-
струментовъ починять резиновыя калоши.
При каждомъ фланкѣ есть наставлѣніе.

Цѣна съ пересылкою фланкъ 2 р., полу-
фланкъ 1 р. 25 к. Высыпающій 5 фл.
6-й получаетъ бесплатно. Адресъ: въ г. Бал-
ту, Подольской губ., Розалии Марковнѣ М-е Нѣ
Винеръ. № 2839 1—1

СТЕНОГРАФИЧЕСКОЕ БЮРО

С. М. ДЛУССКАГО.

(Кievъ, Бибиковский бульваръ, № 26).

Письменное преподаваніе

СТЕНОГРАФІИ ПО ПОЧТЬ.

Курсъ 25 руб. Подробная свѣдѣнія высыла-
ются немедленно и бесплатно. № 2838 1—1

Здоровые кѣфирные грибы
для постоянного домашнаго приготовленія
настоящаго коровьяго кумыса (съ подроб-
ными наставлѣніемъ) высылаются 6 драхмъ
сухихъ за 4 р. 50 к., 3 драхмы 2 р. 50 к.
Меньше не высылается. Казань, Рыбноряд-
ская, д. Степановой, въ кѣфирное заведеніе,
Петру И. Неволину. № 2837 1—1

М. № 2758 12—11

Линовальные тетради

въ 3 хорош. сортапо 36, 40, 70 и 80 коп.
за 10 штуцкъ; 3, 3½ 7 и 8 руб. за 100
шт.; 28, 30½, 30¾, 68 и 78 р. за 1000
и дороже, продаєтъ Левенштейн
Рижская мастерская тетрадей для школъ,
переплетная и скоролиновальная. С.-Пе-
тербургъ, Гороховая ул., 39, кв. 3 паддин.,
между Каменнымъ мостомъ и Б. Садовой.
Тутъ же учать линовать на линоваль-
ной машинѣ собственной конструкціи.
М. № 2791 7—7

ФРАНЦУЗСКАЯ РОМАШКА БУРЕЛЬ

моментально истребляетъ всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ, какъ-то: тара-
кановъ, пруссаковъ, клоповъ, блохъ, муравьевъ и т. п. Продается во
всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Цѣна за коробку 75 к. Въ
Москвѣ: Депо у Гетлингъ и Штокманъ, на Петровкѣ и Лютеръ и Гирш-
фельдъ, на Мясницкой, въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ Обществѣ тор-
говли аптекарскими товарами. Д. № 2811 3—2

Выпущены въ свѣтъ ДВА календаря (съ отрывющимися на каж-
дый день листками)

на 1884 годъ.

ЭДУАРДА ГОППЕ

I. КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ

(Годъ XIII-й) СЪ 3-МЯ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

1) Справочная книжка.—2) Кабинетная библиотека.—3) Табель-Календарь.
Цѣна „Календари-Ежедневники“: безъ перес. 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.;
на велен. бум. безъ перес. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

II. КАЛЕНДАРЬ для ХОЗЯЕКЪ

(Годъ II-й) СЪ 3-МЯ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

1) Руководство молодымъ хозяйствамъ.—2) Советы материамъ и хозяйствамъ при выборѣ
книгъ.—3) Табель-Календарь.

■ На оборотной сторонѣ каждого отрывавшагося листка напечатано МЕНЮ на слѣ-
дующій день. ■

Цѣна „Календаря для Хозяекъ“: безъ перес. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.; на
велен. бум. безъ перес. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Календари прикреплены къ изящно литографированнмъ папкамъ.
С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 53.

Издатель Эдуардъ Гоппе.

№ 2882 1—1

